

Глава 4

ИНОЗЕМЦЕВ И ЕГО КОМАНДА

Между реформами и контрреформами

В октябре 1964 г. фактическое единовластие свергнутого Н.С. Хрущева сменилось правлением «коллективного руководства», когда власть в стране сосредоточилась в руках трех самых влиятельных членов Президиума (Политбюро) ЦК КПСС — Л.И. Брежнева (Первый секретарь ЦК), А.Н. Косыгина (Председатель Совета Министров СССР) и А. И. Микояна (Председатель Президиума Верховного Совета СССР)¹.

Неожиданное смещение Хрущева было встречено в обществе со смешанными чувствами равнодушия и облегчения. Своими лихорадочными, бессистемными реорганизациями государственного управления, непродуманными решениями в области экономики, приведшими к обострению продовольственной проблемы, грубым вмешательством в дела культуры, науки и образования Хрущев вызывал растущую неприязнь не только в партгосаппарате, но и в широких массах населения, среди интеллигенции, разочарованной постепенным сворачиванием после XXII съезда критики сталинизма, сменившейся активизацией «борьбы» на идеологическом фронте (усиление партийного давления на писателей, художников, кинематографистов и т.д.).

Широкое общественное недовольство Хрущевым послужило заговорщикам из партийной верхушки неким моральным оправданием их действий в октябре 1964 г. Этим же отчасти объяснялись и действия пришедшего к власти триумvirата, направленные, с одной стороны, на ликвидацию целого ряда признанных партноменклатурой вредными хрущевских реформ, а с другой — на поиски выхода из обострившихся экономических трудностей.

Первое, с чего начало «коллективное руководство», так это с реставрации отмененного Хрущевым в ноябре 1962 г. территориально-производственного принципа построения КПСС. На пленуме ЦК в ноябре 1964 г., по докладу

¹ А.И. Микоян пробудет в этой должности чуть более года. В сентябре 1965 г. он будет заменен Н.В. Подгорным, который продержится на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР двенадцать лет — до той поры, пока Брежневу самому не захочется в 1977 г. стать еще и главой государства.

Н.В. Подгорного «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов», было принято решение восстановить прежнюю вертикаль власти: ЦК — обком — райком КПСС. Вместо образованных Хрущевым в 1962 г. парткомов производственных колхозно-совхозных управлений возрождались сельские райкомы партии — самое массовое звено партаппарата. Вслед за партийными было восстановлено «организационное единство» прежних советских, комсомольских и профсоюзных органов.

В сентябре 1965 г. решением пленума ЦК КПСС прекратили существование созданные Хрущевым в 1957 г. совнархозы и были восстановлены отраслевые министерства. А в декабре того же года был ликвидирован созданный Хрущевым же сверхмощный Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и СМ СССР (КПГК), во главе которого Никита Сергеевич необдуманно поставил своего выдвиженца А.Н. Шелепина. «Железный Шурик», как называли бывшего комсомольского вождя, ставшего при Хрущеве главой КГБ, а затем и руководителем КПГК в ранге секретаря ЦК КПСС и заместителя Председателя Совета Министров СССР «отблагодарил» своего благодетеля самым активным участием в заговоре против него. Именно Шелепина, а не Брежнева наиболее осведомленные историки считают истинным организатором октябрьского переворота 1964 г.

У набравшего силу Брежнева были все основания опасаться набравшего силу и влияние «железного Шурика», и он, заручившись поддержкой других членов «коллективного руководства» и партноменклатуры, постарался нейтрализовать потенциальную угрозу с его стороны. Что касается соратников, то они всерьез опасались авторитарных замашек «железного Шурика», предпочитая видеть на посту руководителя партии мягкого, несклонного к крайностям Брежнева. У аппарата ЦК КПСС были свои счеты с Шелепиным и его детищем — Комитетом партгосконтроля, — все более энергично прибиравшим властные функции в управлении партией и государством.

Пленум ЦК, состоявшийся 9 декабря 1965 г., под видом реорганизации существенно ослабил сверхмощный КПГК, разделив его на два органа — Комитет народного контроля СССР и Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. А сам Шелепин — наиболее опасный соперник Брежнева в борьбе за власть — был понижен в статусе, лишившись поста заместителя главы правительства. До 1967 г. он еще сохранит за собой пост секретаря ЦК КПСС, а затем будет направлен руководить советскими профсоюзами, что позволит ему оставаться членом Политбюро до 1975 г., когда Брежнев окончательно отправит его «на заслуженный отдых».

Наиболее серьезные обвинения по адресу свергнутого Хрущева касались критического положения, создавшегося в результате его «волютаристских ошибок» в сельском хозяйстве. При нем страна впервые стала закупать хлеб за границей, при нем же впервые после голода 1946 г. во многих районах была введена карточно-распределительная система на основные продукты питания.

Преемники Хрущева действовали по давно отработанной схеме, которой придерживался и сам Никита Сергеевич. Во всех бедах виноват предшествен-

ник. В 1953 г. это был Сталин. Так утверждал Хрущев. В 1964-м виновником был объявлен он сам. В первом случае успешное решение продовольственной проблемы обещал Никита Сергеевич, во втором — Леонид Ильич и Алексей Николаевич, а в 1985-м — уже Михаил Сергеевич. «С первых послереволюционных дней коммунистическая партия упорно искала философский камень, который позволил бы совершить чудо — обеспечить страну сельскохозяйственной продукцией, — отмечал по этому поводу профессор А.М. Некрич. — Был ленинский план кооперации, затем сталинская коллективизация. После коллективизации испытывались самые различные «волшебные» средства: шарлатанские рецепты Лысенко, фантастические проекты посадки лесов и орошения пустынь, глубокая вспашка и торфяные горшочки, освоение целины. Все планы основывались на принципе экстенсивного развития сельского хозяйства»¹.

В марте 1965 г. был созван очередной, сразу же объявленный «историческим» пленум ЦК КПСС, на котором Л.И. Брежнев выступил с большим докладом «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства в СССР». В докладе, по существу, признавался провал всей сельскохозяйственной политики КПСС, ответственность за что, естественно, была возложена на «кукурузника» Хрущева. Валовая продукция сельского хозяйства за годы хрущевской семерилетки (1959—1965) выросла всего на 10%, а по контрольным цифрам она должна была увеличиться на 70%².

Наряду с волюнтаристскими методами управления селом Брежнев назвал и другие причины глубокого кризиса сельскохозяйственного производства: игнорирование экономического стимулирования, устаревшая ценовая политика в аграрной сфере, низкий уровень культуры земледелия и отсутствие государственной политики повышения плодородия почвы.

Брежнев заявил о необходимости перенести внимание с отдаленных целинных земель на земли центральной России (особенно Нечерноземья) и о прекращении начатой Хрущевым «кукурузной кампании». Пленум принял решение снизить план закупки зерна в 1965 г. с прежде намеченных 4 млрд. до 3 млрд. 400 млн. пудов и определить этот план как неизменный до 1970 г. Это давало сельхозпроизводителям определенные гарантии от постоянных в недавнем прошлом шараханий и непредсказуемых действий в аграрной политике КПСС. По решению пленума значительно повышались закупочные цены на зерно и скот — от 10 до 100%. Для стимулирования производителей вводились надбавки (до 50%) за поставленный сверх плана хлеб. Облегчению тяжелого положения колхозов должно было послужить и ослабление налогового бремени на них: теперь налог должен был собираться только с чистого дохода колхоза.

Снимались введенные Хрущевым ограничения на развитие личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих. Было признано право колхозников на пенсию и на гарантированную оплату труда.

¹ Некрич А.М. Золотой век номенклатуры // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 425

² К итогам мартовского Пленума ЦК КПСС // Коммунист, 1965, № 6. С. 30.

На 8-ю пятилетку (1965—1970) были намечены крупные инвестиции в сельское хозяйство и связанные с ним отрасли. Брежнев провозгласил курс на создание крупных специализированных хозяйств — молочно-товарных, свино- и птицеводческих, зерновых. Крупные ассигнования (до 10 млрд. руб.) были обещаны на программу мелиорации в республиках Средней Азии, засушливых краев и областей юга России.

В целом в аграрной политике КПСС с марта 1965 г. обозначилась линия на признание роли материальных стимулов в развитии сельскохозяйственного производства, что по сути отрицалось Хрущевым.

«Коллективное руководство» КПСС предприняло попытку реформировать не только сельское хозяйство, но и всю экономику страны. Эта попытка обычно связывается с именем тогдашнего Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, всю жизнь занимавшегося экономическими вопросами и лучше многих своих коллег в Президиуме ЦК КПСС создававшего слабую эффективность советской экономики. Поисками путей повышения ее эффективности занимались и ведущие экономисты, в частности академик А.А. Арзуманян, о чем уже было сказано, а также академик В.С. Немчинов.

Еще в мае 1964 г. Немчинов опубликовал в журнале «Коммунист» статью «Социалистическое хозяйствование и планирование производства», которая вызвала бурную дискуссию в печати о путях развития советской экономики. Центральная идея академика Немчинова состояла в том чтобы радикально изменить существующий в СССР порядок планирования: план должен составляться не сверху, а снизу, от предприятия, которое должно дать свои предложения к плану. По схеме Немчинова план становился не заданием, а заказом. «Основное и главное состоит в том, — подчеркивал академик, — чтобы механизм планирования сомкнуть с системой хозяйственного расчета и с общественными фондами предприятия... Согласие предприятия принять соответствующее плановое задание, будучи подкреплено письменными документами, превращает плановое задание в плановый заказ. Такой порядок более сложен для плановых органов, но он необходим как фильтр против проявления голого волюнтаризма и вполне реален. Такая система может быть названа хозрасчетной системой планирования, так как в ней органически сочетаются плановые и хозрасчетные начала — те начала, которые должны регулировать любую хозяйственную деятельность в условиях социализма»¹.

В.С. Немчинов считал, что предлагаемая им схема должна сделать не только обязательной, но и выгодной для всех предприятий выполнение директив и цифр контрольного плана.

В сентябре 1965 г. очередной пленум ЦК КПСС заслушал и обсудил доклад главы правительства А.Н. Косыгина «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленных предприятий». Косыгин призвал

¹ Коммунист, 1964, № 5. С. 77—78.

пересмотреть всю систему управления, созданную Хрущевым: отказаться от совнархозов и вернуться к отраслевому принципу управления. При этом глава правительства уточнил, что речь идет не о механическом восстановлении сталинской системы управления, а о сочетании централизации руководства с расширением оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий. В докладе Косыгина — и это само по себе было необычным — широко употреблялись такие понятия, как рынок, прибыль, эффективность капитальных вложений и т. д. По мысли Косыгина, главным показателем для промышленных предприятий должен был стать объем выпускаемой продукции.

Председатель Совета Министров СССР фактически согласился с высказанной ранее идеей академика В.С. Немчинова об изменении порядка планирования, но считал допустимым лишь «низовое» планирование, т.е. на уровне предприятий и хозяйственных объединений. Централизованное планирование, определявшее основные направления и темпы экономического развития СССР, должно было оставаться неизменным.

В соответствии с решением сентябрьского пленума «косыгинская реформа» была запущена в первом квартале 1966 г., когда на новую систему перешли более 40 предприятий, а затем еще более 200. Однако с первых же шагов экономическая реформа вошла в противоречие с политико-идеологическими установками. Главным препятствием для ее успешного развития стал вопрос о ценообразовании.

Попытка ввести с 1 июля 1967 г. новую, научно обоснованную систему цен натолкнулась на жесткое сопротивление тех, кто отстаивал неизменность цен и лоббировал отрасли, связанные с ВПК, в ущерб легкой и других «мирных» отраслей промышленности. В конечном счете новая система цен так и не была принята. В результате к началу 70-х годов «косыгинская реформа» в том виде, как она задумывалась, по существу была провалена. Впоследствии о ней будут вспоминать как об одной из упущенных возможностей дать советской экономике «второе дыхание».

Тем не менее даже частичная ее реализация дала заметный толчок буксовавшему народному хозяйству. За годы 8-й пятилетки (1965—1970) объем промышленного производства в СССР вырос в полтора раза, а производительность труда — на одну треть. В эти же годы темпы роста производства товаров широкого потребления впервые сравнялись с аналогичными показателями роста средств производства.

Первый итог послехрущевскому периоду «коллективного руководства» подвел XXIII съезд КПСС, состоявшийся в марте 1966 г. На съезде было покончено с последними остатками реформаторской деятельности Хрущева на ниве партийного строительства. Л.И. Брежнев удовлетворил самое сокровенное желание партийной номенклатуры: он инициировал отмену тех положений устава КПСС, принятых на XXII съезде, которые вводили обязательную регулярную сменяемость части аппарата. Выступив за кадровую стабильность, т.е. за фактическую несменяемость партийной верхушки, Брежнев уже только этим обеспечил себе еще полтора десятка лет безоблачного «царство-

вания»¹. По решению съезда Президиуму ЦК КПСС было возвращено прежнее название — Политбюро, а Первого секретаря ЦК КПСС стали отныне именовать Генеральным секретарем. Л.И. Брежнев теперь уже и формально выделяется из триумvirата, став бесспорным советским лидером. Постепенно, незаметно из политического лексикона уходит понятие «коллективное руководство». Столь же незаметно в обиход внедряется — «...во главе с товарищем Леонидом Ильичем Брежневым».

Первое время Брежнев был целиком поглощен работой в Секретариате ЦК КПСС. Его активность на внешнеполитическом поприще была достаточно слабой. Внешними делами больше занимался глава правительства А.Н. Косыгин, совершавший, наряду с А.И. Микояном и сменившим его Н.В. Подгорным, официальные зарубежные визиты. В феврале 1965 г. Косыгин произвел в мире дипломатическую сенсацию, встретившись в Пекине по пути из Ханоя в Москву с Мао Цзедунем и попытавшись смягчить нараставшие советско-китайские противоречия. А в начале 1967 г. Косыгин успешно выступил в роли посредника в урегулировании вооруженного конфликта между Индией и Пакистаном из-за Кашмира. На трехсторонней встрече в Ташкенте 4—10 января 1967 г. Косыгину удалось убедить президента Пакистана Айюб Хана и премьер-министра Индии Лала Бахадура Шастри подписать декларацию о прекращении военных действий и восстановлении дипломатических отношений между двумя конфликтующими странами, договорившимися впредь решать спорные вопросы мирным путем. Это был очевидный успех советской дипломатии и лично А.Н. Косыгина, пользовавшегося популярностью в стране после провозглашенной им экономической реформы.

Возможно, именно эти обстоятельства побудили Генерального секретаря активнее заняться внешнеполитическими проблемами. Этому, безусловно, способствовало и обострение международной обстановки в результате развязывания Соединенными Штатами войны в Индокитае в феврале 1965 г., когда начались систематические бомбардировки территории Северного Вьетнама, союзника СССР. Разгоравшаяся война сопровождалась дальнейшим обострением советско-китайских отношений, что в конечном счете приведет в марте 1969 г. к вооруженным столкновениям в пограничной зоне между СССР и КНР.

В июне 1967 г. разразилась арабо-израильская война. Всего за шесть дней израильтяне разгромили армии арабских государств, оснащенные советским оружием, и аннексировали Восточный Иерусалим, сектор Газа и Голанские

¹ В 1967 г. Брежнев избавится от казавшихся ему нелояльными «комсомольцев», которых он считал ставленниками А.Н. Шелепина, переведенного, как уже говорилось, из Секретариата ЦК КПСС в ВЦСПС. В.Е. Семичастный будет заменен на посту председателя КГБ Ю.В. Андроповым, а 1-й секретарь МГК КПСС Н.Г. Егорычев, отправленный на дипломатическую работу, уступит свое место В.В. Гришину. В 1970 г. во главе Гостелерадио СССР, вместо отправленного послом в Австралию Н.Н. Месяцева, близкого к Шелепину и Семичастному, был поставлен преданный Брежневу С.Г. Лапин.

высоты. Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем, восстановленные после смерти Сталина. Шестидневная война на Ближнем Востоке стимулировала очередной всплеск в СССР государственного антисемитизма, проявлявшегося в ужесточении кадровой политики (пресловутый «пятый пункт») и в начавшейся широкой пропагандистской кампании борьбы с сионизмом. После июня 1967 г. практически был прекращен выезд советских евреев на историческую родину¹.

У советского руководства появились проблемы и на западных рубежах «социалистического лагеря». С одной стороны, в Москве летом 1966 г. с неподдельным энтузиазмом и затаенными надеждами встречали генерала де Голля, который резко осуждал действия США во Вьетнаме, угрожая вывести Францию из военной организации НАТО (что он и осуществил сразу же по возвращении из СССР). С другой стороны, «диссиденты» появились и в Организации Варшавского Договора (ОВД). В январе 1968 г. в Чехословакии произошла смена политического руководства и к власти пришли приверженцы «социализма с человеческим лицом» во главе с А. Дубчеком, отвергавшие тоталитарную советскую модель «реального социализма». Брежневу пришлось вплотную заняться Чехословакией, что, как известно, окончилось оккупацией ее территории в августе 1968 г. и удушением «пражской весны» в сговоре с союзниками по ОВД.

К началу 70-х годов Брежнев уже полностью контролировал процесс принятия внешнеполитических решений, хотя и продолжал разделять ответственность с другими членами Политбюро.

В 1965 г. по инициативе Л.И. Брежнева было восстановлено официальное празднование Дня Победы — 9 мая. Тогда же была учреждена юбилейная медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». На торжественном заседании, посвященном юбилею Победы Брежнев впервые после XX съезда сказал о заслугах Сталина, что вызвало бурю аплодисментов в огромном зале Кремлевского Дворца съездов, где собрались ветераны войны, генералитет и представители партийной номенклатуры. В обществе стали поговаривать о политической реабилитации Сталина. Ожидались неосталинисты, требовавшие «наведения порядка» и ужесточения режима. Ожидалось, что реабилитация Сталина произойдет на XXIII съезде, но этого не случилось, хотя ползучий неосталинизм упорно мостил себе дорогу в коридорах власти — в центре и на местах. В декабре 1969 г., в связи с 90-летием со дня рождения Сталина, «Правда» опубликует на своих страницах редакционную статью с признанием его заслуг перед партией и советским государством. Эта статья была воспринята неосталинистами как обнадеживающий сигнал.

В то же время возникло и дало первые ростки оппозиционное правозащитное движение. Признанным символом антисталинизма в СССР стал Александр Исаевич Солженицын, открывший потрясенному миру «Архипелаг

¹ Спустя год, в июне 1968 г., выезд был разрешен, но этим правом ежегодно могли воспользоваться лишь 1500 человек, причем только лица пенсионного возраста, не имеющие высшего образования.

ГУЛАГ». Начиная с 1965 г. писатель подвергается у себя на родине все более острым нападкам, переросшим в хорошо спланированную кампанию травли и преследований.

5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве состоялась демонстрация, участники которой — А. Сахаров, Ю. Галансков, А. Гинзбург, В. Буковский, А. Амальрик, Л. Богораз, Н. Горбаневская, А. Вольпин — выступили с требованием соблюдения советскими властями собственной Конституции и ими же написанных законов. Власти ответили репрессиями и ужесточением законодательства в отношении инакомыслящих.

В феврале 1966 г. суд в Москве приговорил писателей А. Синявского и Ю. Даниэля соответственно к семи и пяти годам исправительных работ за то, что они передавали за границу для публикации собственные сочинения, которые, по мнению «литературоведов» из КГБ, порочили «советский государственный и общественный строй». Оба писателя были осуждены, несмотря на то, что в их защиту выступили видные деятели отечественной культуры — К. Чуковский, И. Эренбург, В. Шкловский, Е. Дорош, Р. Плятт, А. Арбузов, Ю. Казаков и др.

С целью расширения законодательной базы для уголовного преследования по политическим обвинениям Политбюро ЦК КПСС 15 сентября 1966 г. приняло решение о дополнении УК РСФСР статьей 190 (1) — «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», предусматривавшей лишение свободы на срок до трех лет, или исправительные работы на срок до одного года, или штраф до ста рублей.

15 апреля 1968 г. на Политбюро было утверждено предложение Прокуратуры СССР и КГБ о лишении советского гражданства И.Я. Габая и А.Т. Марченко. Как было записано в указе Президиума Верховного Совета СССР, основанием для этого было то, что они «совершают действия, несовместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносят своим антиобщественным поведением ущерб престижу Союза ССР»¹. Этим решением была возрождена старая ленинская форма наказания за инакомыслие — лишение гражданства СССР и выдворение за границу. Позорная практика лишения гражданства и высылки за пределы СССР будет проводиться до середины 80-х годов.

Тогда же, с конца 60-х годов, по инициативе нового главы КГБ Ю.В. Андропова начнет практиковаться такая мера борьбы с инакомыслием, как насильственное помещение диссидентов в психиатрические больницы.

Тем не менее оппозиционное движение нарастало, утрачивая прежние иллюзии относительно способности коммунистического режима к «очеловечиванию». В октябре 1967 г. в Ленинграде была раскрыта подпольная организация молодых монархистов, обвиненных в подготовке свержения коммунистического режима. В январе 1968 г. в Москве прошел судебный процесс над Ю. Галансковым и А. Гинзбургом, осужденными за антисоветскую деятель-

¹ Цит. по: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 258–259.

ность. А уже в апреле того же года в Москве вышел первый номер «Хроники текущих событий», в которой стали регулярно публиковаться сведения о нарушениях прав человека в СССР.

С 1967 г. разворачивалось движение за право свободного выезда евреев из СССР. Активную роль в этом движении играл академик А.Д. Сахаров, один из создателей советской водородной бомбы. Акцию протеста на Красной площади (25 августа 1968 г.) вызвала советская военная интервенция в Чехословакии. Она немедленно была подавлена властями.

В августе 1969 г. в Саратове была раскрыта студенческая организация, именовавшая себя «группой революционного марксизма», ставившая своей целью борьбу с существующим строем. Ее участники получили различные сроки заключения — от трех до семи лет. К слову сказать, это была одна из последних нелегальных организаций, исповедовавших «истинный» марксизм, интерес к которому в оппозиционном движении в 70-е годы иссякнет полностью.

Оппозиция проявлялась и в легальных формах, зачастую облекаясь в историко-культурные одежды. В 60-е годы в русской литературе появляется т. н. «деревенская проза», представленная именами В. Белова, Б. Можаева, Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Солоухина и др. В произведениях писателей-«деревенщиков» читатели открывали для себя другие, отличные от диктуемых официальной идеологией, вечные ценности, растоптанные после октября 1917 г. Неизбежно вставал вопрос о правильности выбора, навязанного большевиками крестьянской стране, переставшей стараниями коммунистической партии кормить саму себя.

В обществе пробуждался живой интерес к дореволюционной России и к древнерусской культуре, нередко приводившей образованных людей к православию. Этому способствовало и прекращение ожесточенных гонений на церковь, которым она подвергалась при Хрущеве. В кругах интеллигенции зародилось увлечение русской иконой. Во всем этом можно было усмотреть инстинктивные поиски утраченной в 1917 г. национальной идеи.

Одновременно расширялось знакомство советских читателей не только с зарубежной литературой, но и с творчеством своих, преданных забвению соотечественников, прежде всего Михаила Булгакова, заново открытого после публикации в 1966 г. в журнале «Москва» его романа «Мастер и Маргарита».

В целом же после свертывания «косыгинской реформы», с одной стороны, и подавления «пражской весны» — с другой, в обществе возникают серьезные сомнения в способности советской экономической и политической системы к реформированию. «Разгром реформ в Чехословакии стал началом конца реформ в СССР, — справедливо отмечает российский историк Р.Г. Пихоя. — Режим становится более репрессивным по отношению к любому инакомыслию. Для советского общественного мнения вторжение в Чехословакию означало конец иллюзиям революционного гуманизма, коммунистической идеи. Режим стал циничнее, проще, понятнее»¹.

¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 304.

«Я добьюсь своего места в жизни...»

Институт мировой экономики и международных отношений потерял своего «отца-основателя» в то самое время, когда более всего нужны были широта мышления, энергия и, наконец, пробивные способности, присущие А.А. Арзуманяну, который, как уже говорилось, имел все возможности сохранить и даже укрепить свои позиции при новом политическом руководстве, не в последнюю очередь благодаря его фронтовой дружбе с Л.И. Брежневым.

Но 18 июля 1965 г. Арзуманяна не стало, и ИМЭМО осиротел в самый неподходящий момент, когда на Старой площади формировались новая политическая линия и экономическая стратегия. Начатая при Арзуманяне работа, в частности подготовка материалов к предстоявшему XXIII съезду КПСС, продолжалась, как продолжалось выполнение текущих заданий директивных органов, но все же невосполнимость утраты Арзуманяна понималась всем коллективом Института.

Владимир Яковлевич Аболтин, на которого было возложено временное исполнение обязанностей директора ИМЭМО, делал все что мог. Около года, после смерти Арзуманяна, он руководил Институтом и сумел удержать его «на плаву». Но Аболтин не имел доступа в те кабинеты, куда свободно входил Арзуманян со своими предложениями и рекомендациями, а это означало, что наиболее важные разработки ИМЭМО зачастую не могли дойти до тех, кому они предназначались.

Все это время «наверху» решался вопрос о преемнике академика А.А. Арзуманяна на посту директора ИМЭМО. Наконец, в первой декаде мая 1966 г. в Президиум АН СССР было «спущено» для надлежащего оформления решение Политбюро ЦК КПСС о назначении на этот пост Николая Николаевича Иноземцева.

13 мая того же года появилось Постановление № 409 Президиума АН СССР, подписанное президентом Академии наук СССР академиком М.В. Келдышем и и.о. Главного ученого секретаря Президиума членом-корреспондентом АН СССР Г.Д. Афанасьевым. Постановление гласило:

«Назначить члена-корреспондента АН СССР Иноземцева Николая Николаевича директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с последующим утверждением в соответствии с параграфом 69 Устава Академии наук СССР»¹.

Настало время рассказать об этом незаурядном человеке, более шестнадцати лет возглавлявшем ИМЭМО. При нем Институт достиг своего наивысшего расцвета и превратился в самый влиятельный в СССР «мозговой центр» по изучению международных экономических и политических проблем².

¹ Личное дело Н.Н. Иноземцева // Архив Института мировой экономики и международных отношений РАН. (Далее: Архив ИМЭМО РАН. — П.Ч.).

² См. о нем: О. Быков, Г. Морозов. Академик Николай Николаевич Иноземцев (1921 — 1982) // Академики-экономисты России. Второе дополненное издание. М., 1999. С. 248 — 268.

Прежде всего следует хотя бы кратко остановиться на том периоде биографии Н.Н. Иноземцева, который предшествовал его назначению на пост директора ИМЭМО.

Будущий академик родился 4 апреля 1921 г. в интеллигентной московской семье. Его отец, Николай Николаевич Иноземцев (1893—1945), до революции окончил Московский Коммерческий институт, а при советской власти работал на инженерно-экономических должностях в Наркоматах легкой и текстильной промышленности. Перед войной он становится главным инженером-экономистом Главгидростроя. Мать Иноземцева, Маргарита Сергеевна (1887—1970), была профессиональным художником, членом Московского отделения Союза художников. Ее портретные работы, пейзажи и натюрморты украшали квартиру Иноземцевых. Средний сын Маргариты Сергеевны (у Николая было два брата — родной и сводный) унаследовал от матери впечатлительный, порывистый характер, а от отца — основательность и аналитические способности.

Детство и юность Николая прошли в переулках Арбата, воспетых Булатом Окуджавой, который был на три года моложе Иноземцева и жил неподалеку. Вполне возможно, в довоенные годы им даже приходилось встречаться на мальчишеских сходках. На Арбате (в Староконюшенном переулке, дом 37) Николай Иноземцев прожил с рождения до 1954 г., т.е. двадцать три года, с шестилетним перерывом, когда он служил в армии и был на фронте. С полным правом он, как и Окуджава, мог считать себя «дворянином арбатского двора».

Но в отличие от обездоленного Окуджавы, сына «врагов народа», у Иноземцева было на редкость счастливое детство. Он рос в благополучной и по тем временам обеспеченной семье, которую, к счастью, обошли сталинские репрессии. О своем безмятежном детстве Иноземцев часто вспоминал на фронте. Справедливо полагая, что каждый день может быть убит, он не стеснялся в письмах к родителям выразить им всю свою любовь и благодарность, с которыми, увы, так часто опаздывают повзрослевшие дети...

Эти письма с фронта бережно сохранила Маргарита Сергеевна Иноземцева. Вот выдержка из одного письма, отправленного Николаем 19 декабря 1944 г. со 2-го Белорусского фронта:

«...Любимые мои! Каждый взрослый человек вполне реально оценивает свое воспитание, среду, в которой он рос, и положительные, и отрицательные стороны своих родителей. Я не могу спокойно думать обо всем этом — так я вас люблю. Вы оба, мои замечательные, являетесь для меня идеалом того, каким надо быть, как надо жить. Теперь, когда я стал вполне взрослым человеком, критически относящимся ко всему окружающему, я вижу в вас не только своих родителей, но и ярких, во всех отношениях одаренных индивидуальностей... Как я вам благодарен за свои детство и отрочество, юность! Из всех людей, встреченных мною за эти пять лет (а их были сотни и сотни), никто не мог похвалиться такими детскими и отроческими годами, как я. Ведь дело не только в прекрасных материальных условиях жизни, а в семье, в атмосфере, царящей в доме, во взаимоотношениях всех членов

семьи. А эти взаимоотношения ни у кого не были, пожалуй, такими хорошими, как у нас дома. Ведь не даром всегда наш дом являлся центром и моей компании, и Шурика (младшего брата Иноземцева. — П.Ч.), а мои и его приятели так хорошо к вам относились. Если бы не эти замечательные годы, не чудесные воспоминания, мне перенести войну было бы очень и очень трудно»¹.

Трудно, наверное, узнать в этом трогательно-нежном к родителям молодом человеке будущего академика, директора Института, который мог порой разносить подчиненных за нерадивость и недобросовестность в выполнении порученных им заданий.

Николай отлично учился, и по окончании в 1939 г. средней школы № 93, как отличник был принят без экзаменов в Московский энергетический институт. В октябре того же года его призвали в армию. Срочную службу Иноземцев проходил в 298-м горно-артиллерийском полку, дислоцированном в недавно присоединенной к СССР Северной Буковине, недалеко от новой линии советско-румынской границы. Здесь его и застало начало войны. Сержант Иноземцев уже командовал взводом. В составе 12-й армии полк, где служил Иноземцев, с боями отступал на восток по территории Украины. Глазам молодого человека ежедневно открывались страшные картины смерти, жертвой которой он мог стать каждую минуту.

Из фронтового дневника Николая Иноземцева (22 июня 1941 г.):

«<...> Вот в обочине лежит один наш ефрейтор. Ему несколько разрывных пуль попало в черепную коробку, и часть головы валяется рядом, будто бы отрезанная. Недалеко от него лежит какой-то пехотинец: его пулеметной очередью перерезало пополам. Еще немного дальше — наш врач. Ему пуля попала в грудь, другая в живот. Когда его стали перевязывать, он сказал только одно слово: «Бесполезно...», а минут через десять умер. Дальше по шоссе трупов все больше и больше. Кровь, раскрытые стеклянные глаза, недоумение на губах. Самые различные, иногда совершенно неестественные позы. <...>».

Трудно поверить, но даже в эти трагические дни и месяцы Иноземцев ведет дневник, начатый в октябре 1939 г. В него он будет записывать впечатления прожитого дня. И так будет до самого окончания войны. Можно не сомневаться: если бы этот фронтовой дневник был обнаружен недоброжелателями или «особистами», Иноземцеву пришлось бы плохо. По приказу Верховного Главнокомандования генералам, офицерам и солдатам категорически запреще-но было вести какие бы то ни было дневниковые записи, а вся их переписка с родными и близкими подвергалась строжайшей военной цензуре. И все же сержант, а впоследствии старшина Иноземцев, рискуя попасть под трибунал, вел дневниковые записи.

¹ Иноземцев Николай. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. С. 262 — 263.

Сохраненный матерью и опубликованный в 1995 г. его вдовой, Маргаритой Матвеевной Максимовой, фронтовой дневник Николая Иноземцева — одно из немногих правдивых свидетельств о Великой Отечественной войне. Этот дневник позволяет глубже понять и внутренний мир самого Николая Николаевича, проследить зарождение в нем живого интереса к вопросам международной жизни. Из дневника мы узнаем, что после взятия Брянска осенью 1943 г., когда на линии фронта установилось временное затишье, Иноземцев принимается за изучение попавшей в его руки «Истории дипломатии» под редакцией В.П. Потемкина, первый том которой вышел из печати перед самым началом войны¹.

Он внимательно читает доставлявшиеся на фронт газеты, по которым следит за формированием антигитлеровской коалиции. *«Вчера узнал о заключении союза с Англией и США; чрезвычайно рад этому, так как теперь вполне реально окончание войны в этом году...»* — пишет он отцу 14 июня 1943 г.²

В начале зимы 1943 г., во время жесточайших боев в районе г. Невеля, Иноземцев узнает о Тегеранской конференции руководителей антигитлеровской коалиции. *«Минуты у приемника. Переживание встречи Сталина с Рузвельтом и Черчиллем. Настроение у всех сверхоптимистическое»*, — записывает он в свой дневник³.

А вот как комментирует старшина Иноземцев Ялтинскую встречу Сталина, Рузвельта и Черчилля, состоявшуюся в разгар боев в Восточной Пруссии, где его 106-я гаубично-артиллерийская бригада БМ (большой мощности) участвовала в ликвидации окруженной вражеской группировки: *«Россия дает предметный урок современной войны для всего мира... Ради этого можно было приехать в Крым и из Лондона, и из Вашингтона!»*⁴.

Страшная война, где многие не выдерживали и даже сходили с ума, стала серьезным испытанием для характера Иноземцева, тем более что прошел он ее не на теплых штабных должностях, а командуя взводом артиллерийской разведки. Война закалила его и, наверное, даже огрубела (впоследствии некоторым сотрудникам Иноземцева доведется испытать на себе вспышки его необузданного гнева).

Интеллигентному юноше, выросшему на спектаклях МХАТ и театра Вахтангова, с детских лет знавшему разницу между Клодом Моне и Эдуардом Мане, поначалу было совсем нелегко в солдатской среде, с ее нехитрыми радостями — грубыми анекдотами, редкими приездами артистов фронтовых бригад, эпизодическими встречами с «боевыми подругами» да ежедневной «наркомовской» кружкой водки для поднятия боевого духа. На фронте ему очень помогли полтора года предвоенной службы. Он успел привыкнуть к суровому армейскому быту, научился пить наравне со всеми, освоил ненормативную солдатскую лексику, но, конечно же, не мог этим удовлетвориться. Его душа жаждала духовной пищи. И он ее находил.

¹ Запись в дневнике от 21 — 23 октября 1943 г. // Там же. С. 122.

² Там же. С. 252

³ Запись от 5-9 декабря 1943 г. // Там же. С. 129.

⁴ Из письма к отцу от 16 февраля 1945 г. // Там же. С. 266.

В выпадавшие на фронте периоды затишья он перечитывает зарубежную классику — Шекспира, Бальзака, Диккенса, Мопассана, О'Генри, Ремарка, а также Достоевского, Чехова, Есенина...

Иноземцев пробует перо и как фронтовой очеркист. Он посылает заметки в дивизионную и армейскую газеты, но их почему-то не печатают. Наверное, редакторов смущали в материалах Иноземцева и суровая «окопная правда», и недостаток обязательной в тех условиях патетики.

Но вот, наконец, первая удача. *«Во «Фронтовой правде», — записывает он в своем дневнике 30 октября 1944 г., — опубликован мой очерк о стрельбе по фортам и взятии Рожан. Итак, первый маленький «опыт», вернее, просто «проба сил» вполне удалась»*¹.

Впоследствии он признается, что эта первая, опубликованная им статья вызвала у него смешанные чувства — радости, что понятно, и огорчения — из-за грубой редакторской правки, во многом исказившей авторский текст. Это послужит для начинающего автора полезным уроком. *«Впоследствии из-под его пера выйдут десятки книг и брошюр, сотни статей, и он не пропустит ни одну из них в печать без собственной визы», — пишет публикатор «Фронтового дневника» Николай Иноземцев*².

Война стала серьезным испытанием для впечатлительной натуры Николая. Из нее он выйдет оптимистом, переполненным жаждой активной жизни.

Из фронтового дневника:

«Жизнь! Какое прекрасное слово! И как легко на протяжении этих месяцев оно превращалось в отвлеченное понятие. За несколько месяцев фронта каждый переживает больше, чем за долгие годы жизни, переживает больше, чем за десятилетия спокойного существования, легко отбрасывает то, что когда-то казалось очень ценным и дорогим. Здесь познаются люди и цена всего нас окружающего. «Мне — 22 года, я прошел Отечественную войну, и мне — 33 года», — смогут сказать многие из нас».

*...«Ничего, если останемся живы, мы еще свое возьмем. Счастье будет рано или поздно и среди нас, ведь не зря же за него заплачено авансом теперь, такой дорогой ценой, — ценой крови, трудностей, лишений, моральных переживаний...» (записи от 2 и 4 апреля 1942 г.)*³.

*«Внутренняя опустошенность после боя. Мелочность всех житейских интересов в сравнении с основным — «ты остался жив, для тебя светит солнце, для тебя поют птицы». Человек, не побывавший в двух шагах от смерти, никогда по-настоящему не будет ценить и любить жизнь» (запись от 2 апреля 1944 г.)*⁴.

«Война научила жить, научила ценить даже те самые незначительные удовольствия, научила все брать от жизни, — ведь в этом и заключается

¹ Иноземцев Николай. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. С. 181.

² Послесловие М.М. Максимовой к «Фронтовому дневнику» // Там же. С. 299.

³ Там же. С. 90—91.

⁴ Там же. С. 146.

сама жизнь. Энергия, борьба, стремление всегда добиться своего, — без этого жизнь совершенно не интересна...», — писал Иноземцев родителям в январе 1945 г. из Польши¹.

Юго-Западный, Южный, Брянский, 1-й и 2-й Прибалтийские, Ленинградский, 2-й и 3-й Белорусские фронты: приграничные сражения 41-го года, оборона Днепра, бои в Донбассе, на Орловском направлении и на Брянщине, «Невельский мешок» и Витебск, Карельский перешеек и Выборг, освобождение Польши и штурм Кенигсберга, марш на Штеттин — таков боевой путь старшины-артиллериста Николая Иноземцева. Все годы войны он мечтал о возвращении к мирной жизни.

Из фронтового дневника:

«Много мыслей о будущем. «Подходит к финишу» шестой год пребывания в армии, потерян огромный срок в смысле учебы. И все-таки уверен, что смогу наверстать упущенное, только бы скорее вернуться домой. Характер, сформировавшийся в трудных военных условиях, нервы, выдержавшие испытания двух с половиной лет пребывания на фронте, не могут пропасть даром. Я добьюсь своего места в жизни, хотя это и будет с опозданием. Все то, что было пережито за последние шесть армейских лет, должно явиться залогом интересной, созидательной, красивой жизни.

Верхушки букв светлеют — наступает первый «послевоенный день», первый день новой, мирной жизни» (запись от 9 мая 1945 г.)².

Иноземцев принял твердое решение не оставаться в армии после окончания войны. Занимая офицерскую должность командира взвода управления, а затем разведки, старшина Иноземцев упорно отказывался от всех предложений ценившего его командования надеть лейтенантские погоны, боясь поддержки с демобилизацией после прекращения военных действий. Он ссылался на то, что до призыва в армию был студентом и по окончании войны хотел бы продолжить учебу в Московском энергетическом институте.

В действительности Иноземцев уже думал о другом. Все больше его привлекали история международных отношений и вопросы послевоенного мироустройства. Но у него пока еще нет конкретных планов.

Из письма к отцу (4 мая 1945 г.):

«В связи с окончанием войны все чаще и чаще встает вопрос будущего. В отношении своего дальнейшего пути я так и не решил (слишком я от всего оторван, надо знать реальные возможности на месте), но, во всяком случае, надо будет использовать тот факт, что я являюсь студентом Энергетического института. Мое положение здесь и отношения с комбригом таковы, что если получу вызов из института, то никаких препятству-

¹ Иноземцев Николай. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. С. 263.

² Там же. С. 206.

ющих моему отъезду причин не будет... Да, все эти вопросы, еще недавно «плавающие в туманной дали», становятся вполне реальными. Надо их встретить во всеоружии...»¹.

25 сентября 1945 г. старшина Иноземцев получил долгожданный приказ о демобилизации. В Москву он возвращается героем. На его гимнастерке два ордена «Отечественная война» — I и II степени, два ордена «Красная Звезда», медали — «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Радость встречи с родными омрачена двумя тяжелыми потерями. Пропал без вести младший брат Николая, Александр (Шурик). В июле 1941 г. он записался в Московское ополчение, а осенью того же года 62-й стрелковый полк, в котором он служил, оказался в окружении в районе Смоленска. Родители получили справку о том, что их сын «пропал без вести». В то время такая справка могла трактоваться и как обвинение в добровольной сдаче в плен, т.е. в предательстве. В безукоризненной до тех пор биографии будущего академика и члена ЦК КПСС появилось небольшое пятнышко. До последних дней жизни, в соответствии с существовавшими в советские времена правилами, Н.Н. Иноземцев обязан будет сообщать в заполняемых им документах о том, что его родной брат пропал без вести².

Не суждено было встретиться Николаю и с горячо любимым отцом, который умер незадолго до возвращения старшего сына.

Месяц в Москве ушел на обустройство в давно забытой гражданской жизни и на форсированную подготовку к поступлению в институт. В ноябре 1945 г. Иноземцев становится студентом открытого годом ранее на базе исторического факультета МГУ, а затем выделившегося из него Московского государственного института международных отношений (МГИМО), призванного готовить кадры для советской дипломатической службы и других ведомств международного профиля.

Из воспоминаний М.М. Максимовой, записанных из рассказов ее покойного мужа о годах учебы в МГИМО:

«Переполненный энергией и жизненными планами, огромной жажгой наверстать время, Николай буквально «вихрем» ворвался в мирную московскую жизнь. Он стремится охватить и одолеть сразу все. Штудирует не

¹ Иноземцев Николай. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. С. 260.

² Об этом, в частности, академик Н.Н. Иноземцев писал в заполненной им 15 марта 1977 г. перед очередной зарубежной командировкой справке-«объективке», направлявшейся в советские времена в выездной отдел ЦК КПСС и для проверки сообщенных о себе сведений — в КГБ // Архив ИМЭМО РАН. В «объективке» советский человек, выезжающий за рубеж, обязан был сообщать полные сведения обо всей своей семье, включая умерших родителей, а также о бывшей жене (или муже), если таковые были, с указанием места работы и адреса, по которому они в настоящее время проживают. В начале 80-х годов в этой унижительной практике появилось дополнение: теперь надо было указывать не только даты, но и места захоронений покойных членов семьи. Подобного рода унижений не мог избежать даже такой доверенный человек, как академик Н.Н. Иноземцев.

только обязательную в те годы марксистскую литературу (работы Ленина он прочтет «от корки до корки», с карандашом, впервые откроем для себя то, что скрывали, не знали, не замечали или не хотели замечать партийные лидеры и пропагандисты, а позже не раз будет «бить наотмашь» — любимое выражение Иноземцева — закоренелых догматиков их же оружием). Прочитает огромное число книг и статей по новой и новейшей истории, философии, внешней политике, международным отношениям российских (госреволюционных) и западных авторов, доступ к которым (их книги хранились в закрытых спецфондах) стоил ему немалых усилий. Прежде чем выбрать тему диплома (она затем станет его кандидатской диссертацией — о внешней политике США в германском вопросе), увлеченно будет работать над архивными материалами по истории царствования Павла Романова, открывая неизвестные для себя страницы далекого российского прошлого. Он упорно осваивает английский, восстанавливает немецкий, берется за французский языки, успевает руководить научным студенческим обществом, издавать научный журнал со статьями будущих дипломатов, выступать на конференциях, семинарах, собраниях...

Сегодня, по прошествии почти полувека, Иноземцева хорошо помнят его однокурсники: одет в военную гимнастерку, галифе (модные в те годы), всегда подтянутый, собранный; умное, энергичное, красивое лицо, черные, с пробором, гладко зачесанные назад густые волосы, уверенная походка (чуть-чуть в развалочку — как-никак фронтовик, «знай наших!»). Круглый отличник, блестящий оратор, инициатива бьет ключом. Одно непонятно — когда и как успевает он все сделать?

Его дом (живет с мамой в той же, довоенной, но плотно заселенной коммунальной квартире) по-прежнему открыт и гостеприимен. Здесь собираются «мгимовцы», приходят оставшиеся в живых (их уже немного) школьные грузья, заглядывают фронтовые товарищи. Дом это любят, там всегда удивительная атмосфера — уютно, весело, непринужденно, — ее умело и с большим внутренним тактом поддерживает умица и человек большого сердца Маргарита Сергеевна¹.

Учился Иноземцев увлеченно, можно сказать, самозабвенно, с полной отдачей. В этом проявлялось не только желание наверстать шесть долгих армейских лет, но и весь его неумный темперамент. Большинство его однокурсников-фронтовиков учились с тем же энтузиазмом, зачастую отличавшим их от студентов, пришедших в МГИМО прямо со школьной скамьи. И все же Иноземцев выделялся даже на фоне своих собратьев-фронтовиков.

Вспоминает один из них — профессор Д.Г. Томашевский, друг и однокурсник Иноземцева:

«Я очень хорошо знал Николая с 1945 года. Мы учились на одном курсе в МГИМО, куда поступили вместе. Мы быстро подружились. Хотя учились

¹ Иноземцев Николай. Указ. соч. С. 303 — 304.

мы в разных языковых группах, это не мешало нашей дружбе. Я нередко бывал в его доме, знал его маму и семью. Чем он всегда меня привлекал — так это своей увлеченностью и преданностью делу. Все, что бы он ни делал, он делал с увлечением, с полной самоотдачей, начиная, скажем с поиска грибов: меня, надо сказать, поражало, с какой страстью он отдавался этому занятию. В еще большей степени это относилось к работе»¹.

В той неистовости, с которой он предавался учебе и общественной работе (студент Иноземцев был избран членом парткома МГИМО)², проявлялась его страстная, порывистая натура, увлекавшаяся всем, чем бы ему ни приходилось заниматься. Он просто не способен был делать что-либо вполсилы — учиться ли, работать ли, любить ли...

В 1949 г. Сталинский стипендиат Николай Иноземцев окончит институт с отличием почти на два года раньше положенного срока.

За год до этого он женился на Елене Владимировне Лаврентьевой, которую знал с детских лет. Дружба с Люлей, как он всегда ее называл, переросла у него в первую любовь. Осенью 1939 г. Иноземцев будет призван в армию, а его 17-летняя подруга через год выйдет замуж. В 1942 г. у нее родится сын.

Иноземцев — это видно из его фронтового дневника и переписки — тяжело переживал неожиданный разрыв с Люлей.

После окончания войны они встретились вновь. К тому времени Елена Владимировна была свободна. Ее брак с В. Жаданом продолжался не более года. Говорили, что ее бывший муж в начале войны перешел на сторону немцев и сотрудничал с ними. Следы его затерялись.

Иноземцева все это не остановило, хотя он не мог не понимать, что брак с бывшей женой «изменника родины» может перечеркнуть его карьеру. В 1948 г. он женится на Елене Владимировне и усыновит ее сына Никиту, которому станет заботливым отцом. Через год, в 1949 г., у них с Люлей родится дочь Марьяна³.

Сейчас трудно с определенностью сказать, каковы были планы Иноземцева к моменту окончания МГИМО: хотел ли он стать дипломатом или уже тогда задумал посвятить себя научной работе в области международных отношений.

¹ Запись беседы с Д.Г. Томашевским. О студенческих годах в МГИМО, об учителях, друзьях и товарищах (в том числе об Иноземцеве) Д.Г. Томашевский рассказал в своих опубликованных воспоминаниях. См. *Томашевский Д.Г. МГИМО — моя запоздавшая юность. // На часах возле Крымского моста (1945 — 1950). Воспоминания выпускников первого послевоенного приема в Институт. М., 2000. С. 204 — 211.*

² Н.Н. Иноземцев всегда был активным общественником: секретарь комитета комсомола средней школы № 93, комсорг, затем парторг батареи (он вступил в партию на Брянском фронте в 1943 г.), член курсового партбюро и член парткома МГИМО.

³ Первый брак Иноземцева продлится шестнадцать лет. Он будет расторгнут в 1964 г. В 1966 г. он женится на Ольге Трофимовне Жуковой. От этого брака, распавшегося через три года, родится дочь Ксения (1969 г.р.). Наконец, в 1971 г. Иноземцев женится в третий раз — на Маргарите Матвеевне Максимовой, с которой проживет до своей смерти.

Известно другое — 1949 г. был не лучшим временем в послевоенной советской истории. На фоне разгоравшейся в мире холодной войны в СССР начиналась очередная волна террора — «Дело Еврейского Антифашистского комитета», «Ленинградское дело», травля обнаруженных якобы «буржуазных реформистов» и «безродных космополитов», назревало «дело врачей-вредителей»...

Многие выпускники МГИМО 1949—1953 гг. не получили желаемого распределения в МИД и другие центральные государственные организации: одни — потому что были евреями, а в те годы это стало считаться непростибельным грехом; другие — по той причине, что постоянно бдевшие кадровики-чекисты выявили в их биографиях «темные пятна» и накопили за годы учебы компромат. Так или иначе, но «забракованные» выпускники МГИМО вынуждены были искать себе работу в вузах и академических институтах, в редакциях газет, журналов, в Издательстве иностранной литературы — там, где нужны были люди, знающие языки.

Русский по происхождению, фронтовик-орденоносец, член парткома МГИМО Николай Иноземцев, считавшийся едва ли не лучшим студентом, мог ожидать самого престижного распределения — в МИД или даже в аппарат ЦК ВКП(б). Но он остался в аспирантуре МГИМО. Было ли это его сознательным личным выбором или он знал, что из-за пропавшего без вести брата и «темного пятна» в биографии его жены ему заказана партийно-дипломатическая карьера, — об этом мог бы сказать только сам Николай Николаевич...

В своей автобиографии, написанной 8 февраля 1981 г., он предельно скупое говорит о том периоде: *«Был оставлен в аспирантуре по кафедре Истории международных отношений и внешней политики СССР. В июле 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию «Американский империализм и германский вопрос». <...> С 1949 г. начал регулярно выступать в партийной печати и периодических научных изданиях»*¹.

Все это время (1949—1952) Иноземцев не только готовит диссертацию, но и много работает, чтобы содержать семью из пяти человек, включая 60-летнюю мать. Он зарабатывает публикациями в периодической печати и регулярными международными обзорами для радио.

В мае 1952 г. его приглашают на должность консультанта по международным вопросам в журнал «Коммунист». Иноземцеву удается получить разрешение на совместительство в МГИМО, где он читает спецкурс и ведет семинар. Его непосредственным начальником в «Коммунисте» стал недавний коллега по МГИМО Алексей Дмитриевич Никонов, член редколлегии, заведовавший в редакции международным отделом. Все знали, что он зять

¹ Архив ИМЭМО РАН. Первую научную статью Иноземцев опубликовал в 1949 г. в журнале «Вопросы истории», благодаря содействию В.А. Виноградова, своего студенческого приятеля, попавшего по окончании учебы в МГИМО на работу в Управление кадров Президиума АН СССР. *«Гонорары тогда были очень высокие, и Николай, в связи с публикацией статьи, устроил у себя дома праздник»*, — вспоминает об этом случае академик В.А. Виноградов // Виноградов В.А. Мой XX век. Воспоминания. М., 2003. С. 102.

В.М. Молотова, и уже по этой причине влияние Никонова в редакции было весьма значительным¹.

Приглашение в «Коммунист» можно считать поворотным моментом в последующей карьере Иноземцева. С этого времени он входит в номенклатурный список ЦК КПСС. Работая в редакции главного теоретического и политического органа партии, Иноземцев постепенно налаживает связи в высоких научно-партийных сферах. Как правило, авторами «Коммуниста» были люди с видным общественным положением.

Иноземцева узнали и оценили на Старой площади. Его сразу же заметил весьма влиятельный тогда Алексей Матвеевич Румянцев, эфемерный член Президиума ЦК КПСС (он пробыл он на этом посту с октября 1952 г. до марта 1953 г.). В конце 50-х годов Румянцев — шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма», в 1964—1965 гг. главный редактор «Правды», затем академик и вице-президент АН СССР. Во все времена, пока его окончательно «не съест» Суслов, А.М. Румянцев — «добрый гений» не одного только Иноземцева, но еще Г.А. Арбатова и Е.М. Примакова² — будет покровительствовать Николаю Николаевичу.

У Иноземцева устанавливаются рабочие контакты с тогдашним любимцем Хрущева Д.Т. Шепиловым и незаметно набиравшим силу Б.Н. Пономаревым. В редакции «Коммуниста» Иноземцев знакомится с авторами публиковавшихся в журнале материалов. Среди них — Анушаван Агафонович Арзуманян, заместитель директора Института экономики АН СССР.

Это знакомство, вскоре переросшее в тесное сотрудничество, станет новым поворотным моментом в карьере Иноземцева, который в числе первых будет посвящен Арзуманяном в вынашиваемый им замысел создания Института мировой экономики и международных отношений. С середины 1955 г. в аппарате ЦК КПСС и в Президиуме АН СССР уже велась подготовительная работа в этом направлении.

Иноземцев получил приглашение Арзуманяна (и дал ему свое согласие) возглавить в создаваемом ИМЭМО сектор международных отношений³. Судя по их частично сохранившейся переписке, относящейся к 1956 г., они обсуж-

¹ Когда А.Д. Никонова после падения Молотова «попросят» из «Коммуниста», а потом и из МГИМО, Иноземцев возьмет его в свой сектор в ИМЭМО.

² Оба они с благодарностью говорят об А.М. Румянцеве в своих воспоминаниях: *Арбатов Георгий*. Человек СИСТЕМЫ. М., 2002. С. 119 — 124; *Примаков Евгений*. Годы в большой политике. М., 1999. С. 12 — 15.

³ Академик В.А. Виноградов в своих воспоминаниях пишет, что, когда А.А. Арзуманян приступил к формированию ИМЭМО, он обратился к нему, в то время зам. начальника Управления кадров АН СССР, с просьбой порекомендовать хороших специалистов по международным отношениям, из числа недавних выпускников МГИМО. Среди рекомендованных Виноградовым 10 — 12 человек, уже проявивших себя на научной работе, был и Н. Иноземцев // *Виноградов В.А.* Указ соч. С. 108. Это, конечно, не означает, что Арзуманян плохо знал Иноземцева, но рекомендация влиятельного в аппарате Президиума АН СССР Виноградова, безусловно, утвердила Арзуманяна в намерении пригласить Иноземцева на работу в ИМЭМО.

дали совершенно конкретные планы налаживания работы в области изучения современных международных отношений. Иноземцев предложил Арзуманяну целый ряд проектов, в частности написание трехтомной истории международных отношений в послевоенный период, а также издания международно-политического ежегодника. Арзуманян одобрил все инициативы Иноземцева.

Совершенно неожиданно в сентябре 1955 г. Иноземцева по решению ЦК направляют в длительную командировку в Китайскую Народную Республику. Он назначен советником в недавно созданный по образцу МГИМО Пекинский дипломатический институт, где одновременно должен читать два курса лекций — «Внутренняя и внешняя политика США» и «Германская проблема после Второй мировой войны», а также руководить аспирантами. Тематика лекционных курсов была ему хорошо знакома. Еще в 1952 г., как уже говорилось, он защитил диссертацию на тему «Американский империализм и германский вопрос», которую после доработки опубликовал в 1954 г. в виде монографии.

После этого Иноземцев сразу же взялся за докторскую диссертацию, посвятив ее изучению внешней политики США после 1945 г. Германский вопрос и внешняя политика США — таковы были темы спецкурса и семинара, которые он вел в МГИМО параллельно работе в «Коммунисте».

С этой точки зрения работа в Пекине не представляла для Иноземцева никаких трудностей, но отъезд из Москвы на несколько лет никак не входил в его планы. В стране происходили глубокие изменения; еще больших следовало ожидать от намеченного на начало 1956 г. XX съезда (Иноземцев был привлечен к подготовке съездовских материалов). Время для отъезда было совсем неподходящее. Тем не менее партийная дисциплина не позволяла ему отказаться от полученного в ЦК КПСС поручения — «оказать помощь китайским товарищам».

Итак, осенью 1955 г. Иноземцев с сожалением покидает Москву. Тем временем состоялось решение о создании ИМЭМО, и Арзуманян приступил к формированию Института. По всей видимости, где-то в августе 1956 г. Иноземцеву удалось побывать в Москве (возможно, в отпуске), где он встречался с Арзуманяном, подтвердившим свою заинтересованность в его приходе в ИМЭМО. Это отвечало и желанию самого Иноземцева. Они договорились, что Арзуманян использует все возможности, чтобы «вытащить» нужного ему Иноземцева из Китая. Об этом, в частности, можно судить по сохранившемуся письму Иноземцева из Пекина, адресованному А.А. Арзуманяну и В.Я. Аболтину:

«Многоуважаемые Анушаван Агафонович и Владимир Яковлевич!

Завтра из Пекина в Москву вылетает Владимир Иванович Михеев. Пользуюсь этой оказией.

После нашего разговора прошло два с половиной месяца. За это время я кое-что сделал, чтобы форсировать выполнение своей работы.

Если Ваши планы в отношении использования меня в Институте остались в силе, то мне кажется, что для их осуществления сложилась подходящая обстановка. Я думаю, что вопрос о времени моего пребыва-

ния в КНР можно теперь решать не на самых верхах, а действуя через Дмитрия Трофимовича (Шепилова. — П.Ч.) и наше посольство в Пекине, так как речь идет лишь о некотором сокращении срока моей работы, но не о ее объеме.

Отношения с китайскими товарищами у меня превосходные и я не гдую, чтобы они ставили палки в колеса, узнав, что это соответствует моим желаниям и интересам. Годовой план я смогу завершить в ближайшие три — четыре месяца, как и намечалось во время нашей встречи. Но это может быть сделано только в том случае, если заранее состоится договоренность с руководством Пекинского Дипломатического Института. Вполне естественно, что я сам этих вопросов ставить не могу.

Предварительная договоренность тем более важна, что круг моих обязанностей расширился в связи с решением о типографском издании большого курса лекций о внутренней и внешней политике США, который я прочел в Пекине в прошлом году¹.

Завершение всего объема работы к февралю потребует от меня кардинального пересмотра всех планов и очень большого напряжения.

Поэтому я хотел бы знать, остается ли в силе наша предварительная договоренность, и как Вы хотите решать вопрос о сроках моего пребывания в Китае. Буду очень благодарен, если Вы меня информируете о положении дел.

С искренним уважением
Н. Иноземцев

4 ноября 1956 года

Пекин, почт. ящик 300»².

На письме Иноземцева есть резолюция Арзуманяна, адресованная Аболтину: «Вл. Яковлевич! Прошу от моего и Вашего имени написать ответ тов. Иноземцеву. До этого необходимо поговорить с кем-нибудь из МИДа. Когда вернется т. Шепилов, то я с ним поговорю. Арзуманян»³.

Арзуманян сдержал слово. Он переговорил с министром иностранных дел Д.Т. Шепиловым и получил его согласие на отзыв Иноземцева из Китая. Но дело осложнялось тем, что Иноземцев в то время находился в двойном подчинении — не только МИДа, но и ЦК КПСС, поскольку даже на время заграничной командировки он оставался в штате «Коммуниста». Арзуманяну пришлось решать этот вопрос в ЦК.

¹ В конце 1956 г. в типографии Пекинского дипломатического института будет отпечатан курс лекций Н.Н. Иноземцева «Внутренняя и внешняя политика США» объемом 43 печатных листа, а год спустя там же будет опубликован еще один его курс — «Германская проблема после Второй мировой войны» (8 п.л.).

² Архив Российской академии наук (далее: Архив РАН. — П.Ч.). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 13 13об.

³ Там же.

В марте 1957 г. Иноземцев возвращается из Китая¹, но не в ИМЭМО, а в «Коммунист», правда, ненадолго. 5 апреля 1957 г. редколлегия журнала принимает «спущенное» со Старой площади решение по Иноземцеву:

«В связи с письмом Института мирового хозяйства и мировой политики (так в тексте. — П.Ч.) Академии наук СССР откомандировать с 1 апреля 1957 г. тов. Иноземцева Н.Н. на работу в указанный Институт»².

Итак, 1 апреля 1957 г. Н.Н. Иноземцев, к радости А.А. Арзуманяна, приходит в ИМЭМО. Он становится заведующим сектором международных отношений и сразу же, со свойственной ему энергией и увлеченностью, с головой погружается в работу. Первейшая задача — подготовка международного политико-экономического ежегодника, который должен выйти в свет уже в 1958 г. Все силы немногочисленного сектора Иноземцева, а также привлеченных сотрудников других секторов Института брошены на решение этой задачи.

Но Иноземцев, видимо, приглянулся не одному только Арзуманяну. Не успел он вернуться в Москву, как Международный отдел ЦК КПСС командировет его в Чехословакию для участия в совместном заседании редакционных коллегий журналов «Международная жизнь» и «Международная политика», а по возвращении из Праги теперь уже МИД СССР добивается включения Иноземцева в качестве советника в советскую делегацию на XII сессию Генеральной Ассамблеи ООН³.

Как известно, работа сессий ГА идет неторопливо. Вопреки собственному желанию, Иноземцев надолго задержался в Нью-Йорке и вынужден был вновь апеллировать к Арзуманяну — вернуть его в Москву, где полным ходом шла работа по ежегоднику. 9 ноября 1957 г. Арзуманян обращается с письмом к заместителю министра иностранных дел В.В. Кузнецову: *«Уважаемый Василий Васильевич! Прошу откомандировать в Москву тов. ИНОЗЕМЦЕВА Н.Н., так как он крайне необходим в Институте»*⁴.

И на этот раз «наверху» удовлетворили настоятельную просьбу Арзуманяна. Иноземцева вернули из Нью-Йорка, но в начале 1958 г. Международный отдел ЦК вновь направляет Иноземцева в Прагу — на этот раз для организации издания журнала «Проблемы мира и социализма»⁵. В Чехословакии пришлось задержаться, и накопившиеся в ИМЭМО вопросы решались им путем телефонных переговоров и переписки с Арзуманяном.

¹ Перед отъездом из Пекина Н.Н. Иноземцев был награжден Государственным советом КНР медалью «За китайско-советскую дружбу».

² Архив ИМЭМО РАН.

³ Николай Николаевич Иноземцев. Биобиблиография ученых СССР. М., 1981. С. 4.

⁴ Архив ИМЭМО РАН.

⁵ В Праге Иноземцев познакомился с работавшим в редакции «ПМС» Игорем Ивановичем Орликом, которого он пригласит позднее на работу в свой отдел в ИМЭМО. Там И.И. Орлик защитит докторскую диссертацию и станет ведущим специалистом в изучении политики Запада в отношении стран Центральной и Восточной Европы.

Вот одно из писем Арзуманяна, адресованных Иноземцеву:

«Дорогой Николай Николаевич!

Жалею, что тебя не застал в Москве. Хотелось поделиться впечатлениями об Англии и по ряду вопросов дальнейшей работы сектора.

Я полагаю, что сумею выхлопотать разрешение насчет твоего приезда в Москву. Думаю, что лучше сего это сделать во второй половине июня.

Конкурс без тебя проводить не буду. Что касается насчет планов на 1959 г., то мы это обсудим после твоего приезда. Сейчас я более чем когда-либо уверен в правильности твоего замысла дать многотомник истории международных отношений.

Насчет Югославии решили опустить (вместе с Албанией и Монголией)¹. Вначале я думал так же, как и ты. Более того, посоветовался с Б.Н.² Он посоветовал то же самое, что и ты. Но с каждым днем возникают все новые и новые предложения. А ежегодник надо давать. Нельзя из-за этой одной статьи переверстывать его на окончательной стадии. А у нас, как показывает практика, это возможно. Но это значит дать ежегодник не раньше, чем осенью. К чему же тогда он?

Уж лучше не будет одной статьи. Претензии никакой не будет, т.к. мы не даем статьи о всех соц. странах, а также не все капиталистические страны освещаются в ежегоднике.

Я буду действовать. О результатах напишу. Я очень плохо чувствую себя, что-то давление резко поднялось, а тут еще задание за заданием. Просто не знаю, когда сумею вырвать время немножко и для себя. Ты сейчас нужен Институту как воздух и вода. Я возлагаю на тебя очень большие надежды. Предприму все, чтобы ты вернулся бы поскорее (выделено мною. — П.Ч.).

Привет

Арзуманян»³.

Последние строки приведенного письма убедительнее всего раскрывают отношение Арзуманяна к Иноземцеву, которого он очень высоко ценил и к мнению которого всегда прислушивался. Единственное, что искренне огорчало Арзуманяна, так это повышенный спрос на Иноземцева в директивных инстанциях, которые нещадно его эксплуатировали.

Стоило Арзуманяну «извлечь» Иноземцева из очередной командировки по линии ЦК или МИД, как на Старой и Смоленской площади вновь вспоминали о нем и давали новое ответственное поручение. Так было и в тот раз. Арзуманян вернул Иноземцева из Праги, а ЦК КПСС тут же направил его в Сток-

¹ Речь идет о страновых статьях для готовившегося под руководством Иноземцева международного политико-экономического ежегодника 1958 года. — П.Ч.

² Б.Н. Пономарев — заведующий Международным отделом ЦК КПСС. — П.Ч.

³ Письмо не датировано, но относится, судя по всему, к ранней весне 1958 г. // Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 168. Л. 2—3.

гольм на конгресс по вопросам разоружения и международного сотрудничества. Можно только удивляться тому, как Иноземцеву удавалось справляться с многочисленными заданиями ЦК (об отказе не могло быть и речи) и одновременно руководить текущей работой своего сектора в ИМЭМО. Так или иначе, но первый выпуск ежегодника «Политика и экономика» объемом 66 п.л. вышел в установленный срок и с тех пор стал настольной книгой для тех, кто в Советском Союзе интересовался актуальными вопросами международной политики.

Вслед за выпуском ежегодника под руководством Иноземцева началась интенсивная работа над трехтомником по послевоенной истории международных отношений.

18 сентября 1959 г. Постановлением Президиума АН СССР Н.Н. Иноземцев назначается заместителем директора ИМЭМО. Это место Арзуманян давно предназначал для Иноземцева, но такая возможность представилась лишь с уходом А.И. Бечина с поста заместителя директора. Дело в том, что по тогдашнему штатному расписанию Института Арзуманяну полагалось только четыре зама. В.Я. Аболтина и В.Г. Солодовникова он трогать не хотел. В.И. Стригачев был его заместителем по ОТЭИ. Оставался Бечин, который, по его «по личной просьбе», был освобожден от обязанностей заместителя директора ИМЭМО и перешел на должность старшего научного сотрудника.

В должности заместителя директора ИМЭМО Иноземцев проработал более двух лет. В 1960 г. он опубликовал монографию «Внешняя политика США в эпоху империализма». Это было первое в историографии капитальное исследование данной темы, хронологические рамки которой составляли около 60 лет. Как отмечалось в одной из многочисленных рецензий на книгу, «этот фундаментальный труд, отличающийся принципиально новой постановкой ряда проблем, умелым показом соотношения между экономикой и политикой, как внутренней, так и внешней, влияния монополий на политику, расстановки сил в правящем лагере страны, выдвинули Н.Н. Иноземцева на одно из ведущих мест среди советских американистов»¹.

В 1961 г. Иноземцев защитил в ИМЭМО докторскую диссертацию по теме изданной им монографии. Со свойственной ему полной самоотдачей он работал в Институте, не ведая, что судьба готовила очередной неожиданный поворот в его жизни.

В декабре 1961 г. решением Президиума ЦК КПСС Иноземцев назначается заместителем главного редактора «Правды» по международному отделу. На этот раз Арзуманян ничего не мог поделать². Главным редактором центральной партийной газеты в то время был П.А. Сатюков, пользовавшийся особым расположением Хрущева. Он давно «положил глаз» на способного и энергичного заместителя Арзуманяна, отлично зарекомендовавшего себя при выполнении многочисленных заданий ЦК. Единственное, чего сумел добиться Арзу-

¹ Николай Николаевич Иноземцев. Биобиблиография ученых СССР. С. 22.

² В 1961 г. Арзуманян лишился еще одного своего заместителя — В.Г. Солодовникова, который перешел на работу в МИД СССР.

маниян, так это сохранения за Иноземцевым руководства готовившимся в ИМЭМО трехтомником по истории международных отношений, решение о выпуске которого было принято в июне 1960 г. Секретариатом ЦК КПСС.

Однако на практике это выражалось в том, что Иноземцеву приходилось разрываться между ежедневной работой в «Правде» и подготовкой трехтомника в ИМЭМО, чему он придавал очень большое значение. Положение осложнялось тем, что в это время, в связи с расширением исследований, намечалась реорганизация сектора международных отношений в отдел из трех секторов. Кто-то должен был взять на себя всю эту нелегкую организационную работу.

Иноземцев остановил выбор на своем давнем друге, кандидате исторических наук Дмитрие Георгиевиче Томашевском, которого, правда, пришлось долго уговаривать сменить насиженное место доцента МГИМО на хлопотную должность заведующего несуществующим пока отделом в ИМЭМО.

Из воспоминаний Д.Г. Томашевского:

«В Институт меня пригласил Николай Николаевич. Он давно знал меня по совместной учебе. Его приглашение было связано с тем, что он уходил в «Правду» в то время, когда шла работа над трехтомником по истории международных отношений после Второй мировой войны. Кому-то надо было руководить текущей работой по трехтомнику. Он предложил это мне. Довольно долго уговаривал, я не соглашался, но, в конце концов, он убедил меня перейти в Институт, о чем я впоследствии никогда не жалел.

В ИМЭМО был неплохой коллектив, хорошие люди. По делам трехтомника мне часто приходилось встречаться с ним в «Правде». Он внимательно следил за ходом работы, постоянно вникал во все, был очень требовательным, но, подчеркиваю, — всегда только в интересах дела.

Что касается работы в Отделе, то следует сказать, что Отдел только создавался. Надо было формировать сектора, подбирать людей. Создали три сектора. Одним сектором заведовал Даниил Ефимович Меламид (Мельников), другим — Александр Андреевич Лаврищев, а затем Дмитрий Васильевич Петров, третьим — Владимир Израилевич Гантман. Все это были сравнительно молодые люди, все — кандидаты наук. Я старался поставить дело так, чтобы все они побыстрее защитились и стали докторами наук. Что касается меня, то я защитился после них, уже когда ушел от заведования Отделом.

Трехтомник я оцениваю высоко. Когда создавалась редколлегия, встал вопрос о том, кто должен туда войти и кто — возглавить. Иноземцев сначала предлагал кандидатуры разных высокопоставленных лиц. Но Арзуманян сказал: «Делай все сам, ты и будешь главным».

Коля сумел организовать работу и редколлекции, и авторского коллектива. Мне кажется, что в трехтомнике была предпринята первая серьезная попытка осмыслить новую международную обстановку. Конечно, мы были связаны партийными установками и директивами, которые, в общем, Коля воспринимал тоже достаточно искренне; может быть, с какой-то долей

критики, но он совершенно искренне верил в общие положения партийных документов. <...>

На нашей работе, конечно же, отражалась не только обстановка холодной войны, но и все повороты партийной линии. От нас требовались то цитаты из партийных документов, то цитаты из выступлений Хрущева. Все это не могло не сказаться на качестве нашего исследования. И все же, получилась интересная работа, как по новым подходам, так и по представленному в ней большому материалу. И, конечно же, главная заслуга в выходе этого трехтомника принадлежит Иноземцеву, который сам подбирал авторов и постоянно руководил работой редколлегии»¹.

Первый том (ответственный редактор А.Г. Милейковский) трехтомника увидел свет в 1962 г. В нем освещались международно-политические события в мире за 1945—1949 гг. В 1963 г., под редакцией А.А. Лаврищева и Д.Г. Томашевского, вышел второй том (1950—1955 гг.). С выпуском третьего тома (редакторы Д.Е. Мельников и Д.Г. Томашевский), посвященного самому ответственному периоду — 1956—1964 гг., произошла осечка. Когда он уже был готов, случилась никем не предвиденная отставка Хрущева, а книга изобиловала ссылками на высказывания и оценки Никиты Сергеевича. Авторам и редакторам пришлось в авральном режиме изымать из подготовленного тома враз утратившие всю их «научную ценность» цитаты из Хрущева. В итоге в опубликованном тексте на 778 страниц осталось лишь три упоминания о свергнутом вожде².

И все же, если непредвзято оценить это трехтомное исследование (общий объем его — 2281 печатная страница) в исторической ретроспективе, нельзя не признать, что ученые ИМЭМО, несмотря на идеологические рогатки, создали тогда беспрецедентное в мировой историографии комплексное исследование послевоенной системы международных отношений. В этом труде не только впервые был собран и обобщен огромный фактический материал, но и заложены основы теоретического осмысления международных отношений как самостоятельной научной дисциплины.

В 1964 г. главный редактор трехтомника, доктор исторических наук Н.Н. Иноземцев был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению экономических наук. Этим он был обязан не только собственным очевидным заслугам, но и авторитетной поддержке со стороны академика А.А. Арзуманяна, не терявшего надежды на возвращение Иноземцева в ИМЭМО.

¹ Запись беседы с Д.Г. Томашевским.

² На с. 106 читаем: «Важное значение в жизни Коммунистической партии и советского народа имел октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС. Освободив Н.С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, ЦК КПСС призвал к последовательному осуществлению решений XX, XXI и XXII съездов, Программы КПСС и обратил самое серьезное внимание на нерешенные задачи». В двух других случаях в книге констатируется факт переговоров Н.С. Хрущева с президентом США Д. Эйзенхауэром (с. 157 и с. 394).

А Иноземцев, не порывая тесных рабочих контактов с Институтом, продолжал работать в «Правде», где в ноябре 1964 г. сменился главный редактор. На место хрущевского ставленника Сатюкова пришел видный экономист и социолог, член-корреспондент АН СССР (с 1966 г. — академик), член ЦК КПСС с 1952 г. Алексей Матвеевич Румянцев, с которым у Иноземцева еще со времен работы в «Коммунисте» сложились самые теплые отношения. Их связывали обоюдное неприятие косности и догматизма, желание освободить общественные науки от пут сталинизма.

Пребывание Румянцева в «Правде» было недолгим. Его свободомыслие и независимое поведение, не согласованные с отделом пропаганды ЦК публикации в центральной партийной газете, личная неприязнь со стороны М.А. Суслова, бывшего в начале 50-х годов в подчинении у Румянцева, привели в 1965 г. к отставке Алексея Матвеевича с поста главного редактора «Правды». Он будет направлен на работу в Академию наук и в 1967 г. станет одним из ее вице-президентов. Однако Суслов не оставит Румянцева своим «вниманием» и в Академии. В 1971 г. он лишит его поста вице-президента АН СССР и посадит на это место П.Н. Федосеева. А в 1972 г. отдел науки ЦК КПСС, возглавлявшийся С.П. Трапезниковым, учинит разгром созданного Румянцевым в 1968 г. Института конкретных социальных исследований (ИКСИ). Академик Румянцев будет отстранен от руководства Институтом. Начатые было при нем серьезные социологические исследования на многие годы будут заблокированы. В глазах идеологов КПСС 70-х годов социология, как и при Сталине, по существу продолжала оставаться «буржуазной лженаукой».

В «Правде» Иноземцеву с год придется поработать с новым главным редактором М.В. Зимяниным, бывшим партработником из Белоруссии, затем послом в ДРВ и Чехословакии, наконец, заместителем министра иностранных дел. Серый, ничем не примечательный Зимянин не выдерживал никакого сравнения со своим ярким предшественником. При нем «Правда» сразу же утратила ту привлекательность, которую она имела и при Сатюкове, и тем более при Румянцеве. Но Зимянин был ставленником Суслова, «серого кардинала» брежневского Политбюро, и было похоже, что пришел он в «Правду», как в свое время говорил Ленин, «всерьез и надолго»¹. К тому же он считал себя (по прежней работе в МИДе) крупным знатоком в области мировой политики и потому пытался вмешиваться в дела возглавляемого Иноземцевым международно-родного отдела.

Очередной поворот в судьбе Иноземцева произошел в мае 1966 г. Ему предшествовала неожиданная смерть летом 1965 г. Анушавана Агафоновича Арзуманяна, так и не дождавшегося возвращения Иноземцева в ИМЭМО. Он явно хотел бы видеть его на своем месте, так как с начала 60-х годов был отягощен многочисленными должностями по линии Академии наук и других организа-

¹ М.В. Зимянин проработает в «Правде» более десяти лет. В 1976 г. он станет секретарем ЦК КПСС по идеологии. Вместе с М.А. Сусловым они будут усиленно насаждать в стране не-осталинизм и вести ожесточенную борьбу с любыми проявлениями свободомыслия в партии и обществе.

ций, был депутатом Верховного Совета СССР, имел все шансы войти в состав ЦК КПСС на предстоявшем в 1966 г. XXIII съезде партии. В последние годы жизни Арзуманян все больше сосредоточивался на руководстве Отделением экономики АН СССР, работе в Президиуме Академии наук и теоретической разработке вопросов развития советской экономики. И все это время он поддерживал самый тесный контакт с Иноземцевым, видя в нем своего естественного преемника.

В этом смысле назначение Иноземцева в мае 1966 г. директором ИМЭМО никого не удивило, хотя этому предшествовала закулисная борьба в «коридорах власти»¹. В ЦК КПСС, прежде всего в Международном отделе, Иноземцева ценили за ум, энергию и исполнительность², а в Институте его всегда считали «своим» и потому были довольны этим назначением, обещавшим сохранение добрых «варговских» и «арзуманяновских» традиций демократизма, открытости и институтских свобод.

Новый директор чувствовал эти настроения и старался, особенно первое время, не обмануть ожиданий хорошо знакомого ему коллектива. Он начал с того, что 18 июля 1966 г. (как правило, в период летних отпусков заседания в академических институтах не проводятся) собрал Ученый совет, посвященный годовщине со дня смерти А.А. Арзуманяна, на котором выступили соратники покойного основателя ИМЭМО — В.Я. Аболтин, И.М. Лемин, Я.С. Хавинсон, В.Л. Тягуненко, А.И. Бечин, Т.Т. Тимофеев, а также академик А.М. Румянцев.

Выступление Румянцева было выслушано с особым вниманием.

«Перед нашими научными учреждениями стоит задача — в своих научных исследованиях давать правду и только правду, не подкрашенную, суровую, как она есть, — говорил Румянцев. — Сегодняшнее собрание — это собрание, подчеркивающее именно эту сторону марксистов-ленинцев — всегда стремиться вперед, стремиться к неприкрашенной, глубокой правде, к которой всегда стремился, шел и осуществлял в меру своих жизненных сил и широких способностей Анушаван Агафонович Арзуманян»³.

На Ученом совете выступил и член-корреспондент Н.Н. Иноземцев, напомнивший, что годовщина смерти А.А. Арзуманяна совпала с десятилетием основанного им Института.

¹ Против назначения Иноземцева директором ИМЭМО активно выступал заведующий отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников, но его противодействие было сломлено благодаря вмешательству А.М. Александрова-Агентова, помощника Брежнева, поддержанного Президиумом АН СССР, высказавшимся в пользу Иноземцева.

² В 1962 г. Н.Н. Иноземцев был награжден орденом Трудового Красного Знамени

³ Стенограмма заседания Ученого совета Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, посвященного годовщине со дня смерти академика А.А. Арзуманяна, 18 июля 1966 г. // Архив ИМЭМО РАН.

«...Именно здесь, в Институте, — заявил Иноземцев, — в полной мере проявился и огромный талант Анушавана Агафоновича Арзуманяна, как организатора, очень большого ученого, смелого, чуткого и принципиального организатора, который умел увидеть и выбрать наиболее способных людей, который уделял много времени и внимания для подготовки и воспитания этих людей. И целый ряд сотрудников Института с полным правом может сказать, что со стороны Анушавана Агафоновича к ним было буквально отеческое отношение. И я принадлежу к числу этих людей, которые чрезвычайно многим обязаны Анушавану Агафоновичу»¹.

История сплошь и рядом дает примеры черной неблагодарности учеников и последователей по отношению к учителям и утратившим силу (тем более — умершим) покровителям. Случай с Иноземцевым — не из этого бесконечного ряда.

Он всегда помнил сам и напоминал другим, что у истоков ИМЭМО стояли два выдающихся человека — Евгений Самуилович Варга и Анушаван Агафонович Арзуманян, положившие начало новому научному направлению исследований в области мировой экономики и международных отношений. Свой долг Иноземцев видел не только в том, чтобы увековечить их память, но прежде всего в развитии основанного ими научного направления исследований. Новый директор сделает все, чтобы переиздать труды Е.С. Варги² и А.А. Арзуманяна³, добьется установки памятных досок на доме, где жил академик Варга, и на здании ИМЭМО, где работал академик Арзуманян. К памяти и наследию Арзуманяна Иноземцев будет обращаться и по прошествии многих лет после его смерти⁴.

Команда

Иноземцев пришел руководить институтом, который хорошо был ему знаком. Он свободно ориентировался в проблематике ИМЭМО, знал работавших там людей. С некоторыми его связывали давние дружеские отношения. Старые друзья, такие как Григорий Морозов, Дмитрий Томашевский, Олег Быков и др., составляли «ближний круг» его команды, который со временем расширился.

Иноземцев не привел с собой «варягов», как нередко бывает, когда приходит новый руководитель и расставляет «свои» кадры на ключевые посты.

¹ Архив ИМЭМО РАН // Там же.

² Варга Е.С. Избранные произведения: Начало общего кризиса капитализма. Экономические кризисы. Капитализм после второй мировой войны. М., 1974; Творческое наследие академика Е.С. Варги. М., 1981.

³ Арзуманян А.А. Экономические проблемы общественного развития: Избранные труды / Отв. ред. Н.Н. Иноземцев. М., 1968.

⁴ Иноземцев Н.Н. Научная деятельность А.А. Арзуманяна и актуальные задачи исследования мировой экономики и международных отношений // МЭ и МО, 1974, № 5. С. 119 — 129.

Сотрудники ИМЭМО — участники Великой Отечественной войны в день 25-летия Победы, 9 мая 1970 г.

Он решил опираться на тех, кто уже проявил себя как серьезный ученый и хороший организатор. А таких было немало — и среди ветеранов варговской школы (И.М. Лемин, Л.А. Мендельсон, Е.А. Громов, С.А. Далин, В.И. Каплан, Я.А. Певзнер, М.И. Рубинштейн, Е.Л. Хмельницкая, В.В. Любимова, В.Я. Аболтин, А.А. Манукян и др.), и среди сподвижников Арзуманяна (В.А. Чепраков, С.М. Меньшиков, В.И. Стригачев, А.Г. Милейковский, А.И. Шапиро, В.Л. Тягуненко...).

И все же Иноземцев должен был сформировать собственную команду единомышленников, с которыми ему предстояло работать в течение многих лет. В этом смысле он сочетал опору на старые кадры и выдвижение молодых перспективных руководителей научных подразделений, некоторым из которых впоследствии предстояло стать заместителями директора и даже директором ИМЭМО. По этой причине «команда Иноземцева» никогда не была однородной и неизменной. Тем не менее ее ядро сохранялось при всех изменениях состава.

Тогда, в 1966 г., Иноземцев привел с собой в ИМЭМО лишь одного своего заместителя — Николая Андреевича Сидорова, которого хорошо знал со студенческих лет.

Сидоров был почти ровесник Иноземцева. Он родился в 1922 г. в Москве, в семье рабочего кожевенного завода «Красный труженик». В 1940 г. поступил в ИФЛИ, откуда в августе 1941 г. ушел добровольцем на фронт, хотя из-за сильной близорукости был признан невоеннообязанным. Сидоров участвовал в боях в донских степях, в Сталинградской битве и в сражении на Курской дуге, будучи переводчиком штаба 109-го гвардейского стрелкового полка 37-й гвардейской стрелковой дивизии. В феврале 1944 г., по состоянию здоровья, был уволен в запас в звании гвардии старшего лейтенанта с должности помощника начальника разведотдела 7-й гвардейской воздушно-десантной бригады. Среди его боевых наград — медали «За отвагу» и «За оборону Сталинграда».

В том же году Сидоров становится студентом МГИМО, который оканчивает с отличием в 1948 г. и остается здесь же в аспирантуре по кафедре государственного права. В те студенческие и аспирантские годы и произошло его довольно близкое знакомство с Иноземцевым.

В 1951 г. Сидоров защитил диссертацию по государственному устройству ФРГ и был оставлен в качестве старшего преподавателя на своей кафедре, где проработал десять лет.

В 1961—1965 гг. Н.А. Сидоров — ректор 1-го Московского государственного института иностранных языков им. М. Тореза, где он, помимо прочего, читает курсы лекций по госправу ГДР и ФРГ на немецком языке. В 1964 г. он защищает вторую диссертацию и становится доктором юридических наук.

С июля 1965 по ноябрь 1966 г. Сидоров — советник по вопросам культуры и науки в посольстве СССР в ГДР. С этого поста Иноземцев и переманил старого приятеля на работу в ИМЭМО.

30 декабря 1966 г. Н.А. Сидоров становится заместителем директора ИМЭМО, где Иноземцев поручил ему курировать отделы и сектора международно-политического профиля.

Тем, кто его помнит в Институте, Николай Андреевич запомнился спокойным, мягким, интеллигентным человеком, одинаково вежливым и с докторами наук, и с аспирантами.

Его пребывание в ИМЭМО оказалось недолгим — всего два года и три месяца. В конце марта 1969 г. Н.А. Сидоров ушел со своего поста в порядке перевода на работу в ИКСИ, к академику А.М. Румянцеву. Причины его ухода не вполне ясны. Во всяком случае он не удержался в команде Иноземцева.

На место ушедшего Сидорова Иноземцев пригласит хорошо знакомого ему по совместной работе в «Правде» Евгения Максимовича Примакова, вернувшегося в Москву после пяти лет работы (1965—1970) собкором «Правды» в странах Ближнего Востока. Выпускника Московского института востоковедения, затем аспиранта МГУ, журналиста-международника Примакова хорошо знали в ИМЭМО. Здесь в 1962 г., он начинал работать еще при Арзуманяне. Здесь же, работая в «Правде», защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук.

С его приходом в ИМЭМО сотрудники Института сразу же почувствовали, что в команде Иноземцева появился «форвард». В рекордно короткий срок Примаков занял лидирующие позиции среди четырех заместителей Иноземцева, став «вторым человеком» в ИМЭМО. Но уже тогда в нем просматривались лидерские качества человека, способного на большее, чем быть при ком-то «вторым номером».

Его возвращение в Институт в качестве заместителя директора в апреле 1970 г. будет иметь большое значение как для ИМЭМО, где Примаков создаст и возглавит новое направление исследований, удостоенных в 1980 г. Государственной премии СССР, так и для последующей карьеры самого Евгения Максимовича, который в скором времени станет членом-корреспондентом АН СССР, затем академиком, а впоследствии — Председателем Правительства Российской Федерации¹.

От Арзуманяна Иноземцев унаследует трех заместителей. Ветераном среди них был Владимир Яковлевич Аболтин, работавший заместителем Арзуманяна с первого дня существования ИМЭМО, о чем уже было рассказано в одной из предыдущих глав.

Другим заместителем директора и одновременно заведующим отделом технико-экономических исследований (ОТЭИ) с начала 60-х годов работал Владимир Иванович Стригачев, о котором речь впереди.

Третьим в этом коротком списке был Станислав Михайлович Меньшиков — один из самых ярких представителей команды Арзуманяна, унаследованной Иноземцевым. Кое-кто в Институте именно его считал естественным преемником умершего Арзуманяна. Не исключено, что и сам Меньшиков думал так же.

¹ О деятельности Е.М. Примакова и его вкладе в историю ИМЭМО подробнее будет сказано в другом месте. Сам Примаков рассказывает об этом в книге воспоминаний: *Примаков Евгений. Годы в большой политике*. М., 1999.

Станислав Михайлович Меньшиков — сын бывшего министра внешней торговли СССР в 1949—1951 г., затем крупного советского дипломата, посла СССР в Индии, Непале и США, а в 1962—1968 гг. — министра иностранных дел РСФСР — родился в Москве в мае 1927 г. В 1948 г. с отличием окончил МГИМО, где был оставлен в аспирантуре по кафедре политической экономики. В 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экономика США на мировом хлебном рынке и международные пшеничные соглашения после Второй мировой войны». В течение четырех последующих лет он работает ассистентом, а затем старшим преподавателем кафедры международных экономических отношений МГИМО. С 1955 до июня 1960 г. Меньшиков — консультант-обозреватель, член редколлегии и заведующий отделом капиталистических стран журнала «Новое время». В 1958 г. выходит его первая монография «Американские монополии на мировом капиталистическом рынке».

Летом 1960 г. он приходит в ИМЭМО на должность старшего научного сотрудника, а через два года сменяет М.И. Рубинштейна в должности заведующего сектором экономики и политики США. В 1963 г. Меньшиков защищает докторскую диссертацию по теме «Современная структура финансовой олигархии США». Два года спустя выходит его солидная монография «Миллионеры и менеджеры. Современная структура финансовой олигархии США», сделавшая Меньшикова одним из ведущих советских экономистов-международников. В ИМЭМО Меньшиков становится зачинателем эконометрических исследований рыночной экономики с применением математических, статистических методов и моделей.

В январе 1964 г. Арзуманян назначает Меньшикова одним из своих заместителей, поручив ему одновременно руководить отделом анализа перспектив капиталистической экономики. Здесь же, в ИМЭМО, долгие годы проработала и безвременно скончавшаяся жена Меньшикова — Марина Амазасповна (урожденная Арутюнян)¹, специалист по аграрным проблемам западной экономики.

Иноземцев, придя в ИМЭМО, оставляет хорошо знакомого ему Меньшикова на посту своего заместителя, а в 1967 г. назначает его одновременно заведующим реорганизованным отделом экономики и политики США. Когда в Институте началась работа по подготовке «Политической экономики современного капитализма», отмеченной впоследствии Государственной премией СССР, С.М. Меньшиков станет одним из руководителей этого проекта.

В сентябре 1970 г. Меньшиков неожиданно уходит из ИМЭМО и даже покидает Москву ради работы в Новосибирске, куда его пригласил А.Г. Аганбегян (с 1974 г. академик), директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского Отделения АН СССР. С ним уходит и кое-кто из его сотрудников, в частности талантливый выпускник аспирантуры ИМЭМО Юрий Чижов².

¹ Она была дочерью крупного советского дипломата А.А. Арутюняна, в 1958—1963 гг. — посла СССР в Канаде.

² Юрий Чижов умрет в молодом возрасте, не успев реализовать свой творческий потенциал.

Причину ухода Меньшикова с поста заместителя директора ИМЭМО на должность заведующего сектором у Аганбегяна в далеком Новосибирске многие в Институте усматривали в его неудовлетворенном честолюбии. Он явно претендовал на большее, нежели быть на вторых (а с приходом Примакова — уже на третьих) ролях при Иноземцеве. По всей видимости, Меньшиков мог надеяться в Новосибирске на более скорое, чем в Москве, избрание в Академию наук СССР по квоте Сибирского Отделения. Если это действительно было так, то честолюбие Меньшикова в этом направлении не получило удовлетворения. В Новосибирске он не стал ни академиком, ни даже членом-корреспондентом АН СССР.

Независимо от его подлинных причин, переход Меньшикова из ИМЭМО в новосибирский Институт Аганбегяна был оформлен по всем правилам «хорошего тона». Приказом по ИМЭМО многолетняя плодотворная работа в Институте доктора экономических наук, профессора С.М. Меньшикова была отмечена благодарностью и премией в размере месячного оклада (500 рублей)¹.

Уход Меньшикова в сентябре 1970 г. из команды Иноземцева был компенсирован зачислением в ее состав доктора экономических наук Владлена Аркадьевича Мартынова, назначенного 13 мая 1971 г. заместителем директора ИМЭМО.

В.А. Мартынов родился в декабре 1929 г. в Саратове. Его отец, кадровый сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД, погиб в 1935 г. при исполнении служебных обязанностей. В 1947 г. Владлен Мартынов окончил среднюю школу в Саратове и уехал в Ленинград, где поступил на экономический факультет ЛГУ им. А.А. Жданова. В 1952 г. он получил диплом с отличием, вступил в КПСС и тогда же стал аспирантом кафедры политической экономии экономфака ЛГУ. После успешной защиты кандидатской диссертации в 1955 г. Мартынов работает старшим преподавателем в Ленинградском инженерно-экономическом институте им. В.М. Молотова, а в феврале 1957 г. переводится на работу в ИМЭМО АН СССР. Еще будучи аспирантом, Мартынов установил тесные контакты с аграрной группой отдела общих проблем империализма Института экономики. Здесь же работал и научный руководитель Мартынова.

В ИМЭМО Мартынова взяли на должность младшего научного сотрудника со степенью в сектор аграрных проблем. В центре научных интересов Мартынова находились проблемы экономики сельского хозяйства США, которым были посвящены его первые труды, в частности монография «Мелкие и средние фермеры США под гнетом монополий». Он принимал участие в составлении статистического сборника «Сельское хозяйство капиталистических стран», в написании коллективного труда по аграрным кризисам, писал записки для Госплана СССР о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства США. С декабря 1960 по апрель 1961 г. Мартынов находился в научной командировке в США, где изучал экономические аспекты американского сельского хозяйства.

¹ Личное дело С.М. Меньшикова // Архив ИМЭМО РАН.

По возвращении из США Мартынов проходит конкурс на должность старшего научного сотрудника, а в октябре 1961 г. сменяет А.А. Шлихтера в должности заведующего сектором аграрных проблем. В том же, 1961 г., Мартынова избирают секретарем партбюро (впоследствии парткома) ИМЭМО. На этом посту он пробыл два срока без отрыва от основной научной работы. В 1968 г. Мартынов защищает докторскую диссертацию¹.

Когда с уходом Меньшикова освободилась вакансия заместителя директора Института, Иноземцев, рассмотрев, видимо, несколько кандидатур, остановил свой выбор на Мартынове, который, как многолетний секретарь парткома, был в курсе всех проблем и вопросов жизнедеятельности ИМЭМО. 13 мая 1971 г. В.А. Мартынов назначается заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений. Иноземцев поручит Мартынову, наряду с прочим, руководить подготовкой фундаментального исследования — «Политическая экономия современного монополистического капитализма», которое в 1977 г. будет отмечено Государственной премией СССР. Впоследствии Мартынов станет пятым по счету директором ИМЭМО, членом-корреспондентом АН СССР, академиком РАН.

С поста секретаря парткома в заместители директора ИМЭМО попал и Игорь Евгеньевич Гурьев. Между тем, когда в самом конце 1969 г. Гурьев впервые появился в Институте, ничто не предвещало его стремительного взлета.

Игорь Евгеньевич Гурьев родился в Москве в декабре 1932 г. В 1955 г. он с отличием окончил факультет иностранных языков МГПИ им. В.И. Ленина, но в аспирантуру решил идти на кафедру политэкономии родного пединститута, которую окончил без защиты кандидатской диссертации. На получение ученой степени кандидата экономических наук Гурьеву, по каким-то причинам, потребуется без малого пятнадцать лет.

В 1959—1960 г. он работает старшим преподавателем кафедры политэкономии на вечернем отделении Московского инженерно-физического института (МИФИ), откуда переходит на аналогичную должность в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ.

С 1963 до декабря 1969 г. он — старший преподаватель, затем доцент кафедры политэкономии в Университете Дружбы народов им. Патриса Лумумбы, откуда его и приглашают на работу в ИМЭМО. Лишь перед самым уходом из УДН Гурьев защитил, наконец, кандидатскую диссертацию по теме «Государственно-монополистическое регулирование заработной платы (на материалах США)».

Видимо, подлинным призванием Гурьева было преподавание, а также склонность к организационной работе. В ИМЭМО ему поначалу предложат заведовать сектором информации по экономическим проблемам в отделе информации. В этой должности он проработает три года и покажет себя неплохим организатором.

Гурьев был замечен Иноземцевым и выдвинут им на пост секретаря парткома Института, а через два года — в декабре 1975 г. — назначен заместителем директора ИМЭМО, которым будет оставаться до мая 1992-го. За эти

¹ В 1976 г. ему будет присвоено ученое звание профессора.

годы ему доведется поработать параллельно и заведующим отделом социальных и внутривластных проблем развитых капиталистических стран. В 1981 г. Гурьев защитит докторскую диссертацию по теме «Нарастание нестабильности как форма проявления общего кризиса империализма», а в 1983 г. получит ученое звание профессора. В 1979 г. выйдет в свет его небольшая монография по теме докторской диссертации.

После ухода с поста заместителя директора Гурьев еще два года будет работать в ИМЭМО по теме «Теория рынка труда», а в июле 1994-го оформит перевод в Финансовую академию при Правительстве Российской Федерации, где с 1975 г. он работал на полставки.

Судя по всему, ему не хотелось порывать с ИМЭМО, где он оставался на правах совместителя еще четыре года. И все же в начале 1998 г., бывший член команды Иноземцева подает заявление об окончательном уходе из Института, где прошли, быть может, его лучшие годы. Содержание и тональность поданного Гурьевым заявления выдают чувства неудовлетворенности и даже обиды (на кого и за что? — об этом документ умалчивает)¹.

Так завершилась «имэмовская» карьера одного из выдвиженцев Иноземцева. В Институте он оставил о себе память как энергичный, жесткий и идеологически «правильный» администратор, не склонный мириться с инакомыслием, что и показал в ходе событий 1982 г.² Но об этом речь впереди.

Переход Е.М. Примакова в 1977 г. на пост директора Института востоковедения АН СССР побудил Иноземцева срочно подыскать ему достойную замену.

Он остановил свой выбор на человеке, которого хорошо знал еще со студенческой скамьи. Это был доктор исторических наук Олег Николаевич Быков, заведующий отделом международных отношений. Это назначение могло показаться неожиданным, прежде всего по той причине, что за тринадцать лет предыдущей работы в ИМЭМО Быков никогда не был замечен в карьеристских устремлениях. Целыми днями он просиживал в читальном зале спецхрана и считался знатоком проблем внешней политики США и американо-западноевропейских отношений. В 1974 г. Иноземцеву стоило больших усилий уговорить Олега Николаевича занять освободившееся место заведующего отделом международных отношений и перебраться из читального зала в отдельный кабинет³.

Быков родился в 1926 г. в интеллигентной семье провинциальных врачей. Детство его прошло в Туле и Орле, где доводилось работать его родителям. По

¹ Из заявления И.Е. Гурьева в Дирекцию ИМЭМО от 16 февраля 1998 г.: «Настоящим ставлю в известность о своей готовности освободить занимаемую мною должность ведущего исследователя Отдела общих проблем рыночной экономики (по совместительству) в любое удобное для Дирекции время» // Личное дело И.Е. Гурьева. Архив ИМЭМО РАН.

² В то же время самый именитый из работающих в ИМЭМО бывших диссидентов — М.А. Чешков — вспоминает, что именно Гурьев активно содействовал ему в защите докторской диссертации. Правда, было это не в период «охоты на ведьм» в 1982 г., когда Чешкова намеревались изгнать из Института, а в 1985-м, т.е. уже при Горбачеве.

³ Перед этим в течение года Быков руководил в отделе небольшой группой по изучению внешней политики США.

окончании средней школы в 1944 г. Олег Быков едет в Москву и поступает в МГИМО, который оканчивает с отличием в 1949-м по специальности «историк-международник, референт-переводчик по США». Как отличника, его оставляют в аспирантуре на кафедре всеобщей истории.

В 1952 г. Быкова приглашают на работу в отдел международных связей Советского комитета защиты мира (СКЗМ). Уже работая в СКЗМ, он защищает диссертацию и получает диплом кандидата исторических наук.

В 1955 г. его направляют в Вену на должность заведующего отделом Секретариата Всемирного Совета Мира (ВСМ), где он проработает четыре года и затем вернется на работу в СКЗМ, став сначала заместителем, а затем и ответственным секретарем этой общественной организации.

В августе 1964 г. Быков переходит на работу в отдел международных отношений ИМЭМО, которым руководит его старый друг Д.М. Томашевский, с которым они учились в МГИМО. Здесь в 1970 г. он защищает докторскую диссертацию, посвященную актуальным проблемам внешней политики США.

В мае 1974 г., как уже говорилось, Быков назначается заведующим отделом международных отношений. Сфера его научных интересов значительно расширяется, постепенно охватывая весь комплекс международно-политических, а затем и военно-политических проблем. На посту заместителя директора ИМЭМО Быков будет координировать все исследования Института по международно-политической и военной проблематике.

Даже если Быков и не смог в полной мере заменить Иноземцеву ушедшего Примакова (а кто бы мог?), то во всяком случае он оказался для него надежным помощником. С 1980 г. Быков — главный редактор «Международного ежегодника. Экономика и политика». В 1980 г. Быков станет лауреатом Государственной премии СССР, а в 1987-м будет избран членом-корреспондентом АН СССР (впоследствии РАН). Заместителем директора ИМЭМО Быков проработает до января 1998 г., когда, оставаясь в Институте, займет должность советника РАН.

Длительное пребывание на руководящей должности не сказалось на характере Олега Николаевича. Во все времена и при любых обстоятельствах он сторонился интриг, оставаясь спокойным, вежливым и обходительным человеком. Вместе с тем он был требовательным руководителем. Быков много работал сам (его считали типичным трудоголиком), того же ожидал и от своих коллег.

Последним из выдвиженцев Иноземцева, ставших его заместителями, стал Иван Дмитриевич Иванов — «человек со стержнем», как называл его Н.Н. Он родился в 1934 г. в Москве в рабочей семье. В 1957 г. окончил Институт внешней торговли и по его окончании два с половиной года отработал младшим научным сотрудником в Научно-исследовательском Конъюнктурном институте МВТ СССР. С июля 1961 до марта 1965 г. Иванов заведует отделом в редакции журнала «МЭ и МО». В 1961 г. он защищает кандидатскую диссертацию. С марта 1965 по июль 1966-го Иванов работает в должности заместителя директора по науке в Центральном институте научной

информации и технико-экономических исследований Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий, а затем, по командировке МИД СССР, направляется в Секретариат ООН (Женева), где проработает около пяти лет. С мая 1971 до ноября 1976-го он — заведующий отделом экономики в Институте США и Канады АН СССР, откуда переходит на работу в Дипломатическую академию МИД СССР.

В марте 1977-го Иванов приходит в ИМЭМО на должность заведующего группой (затем сектором) международных экономических организаций, а в мае 1979 г. становится заместителем директора Института. К этому времени Иванов уже вошел в число наиболее авторитетных советских экономистов-международников. Еще в 1966 г. он получил ученую степень доктора экономических наук, был автором нескольких монографий, среди которых «Общий рынок и соревнование двух систем» (1963); «Патенты и лицензии в международных экономических отношениях» (1966); «Международные корпорации в мировой экономике» (1976) и др., был ответственным редактором ряда коллективных трудов по экономике США.

В ИМЭМО Иванов проработает до июля 1986 г., когда перейдет в МИД СССР на должность начальника Управления международных экономических отношений, а оттуда — на работу во Внешнеэкономическую комиссию Совета Министров СССР. Впоследствии он вернется уже в российский МИД в качестве заместителя министра. Все эти годы Иванов не порывал с наукой, сумев добиться избрания в члены-корреспонденты, а затем и в действительные члены РАН. В ИМЭМО его помнят как талантливого, оригинально мыслящего экономиста-международника и деятельного администратора. В то же время сотрудники Института, претерпевшие в драматических событиях 1982 г. (о чем еще будет сказано), помнят и другое — его активное участие в борьбе с инакомыслием в научном коллективе ИМЭМО.

В «ближний круг» Иноземцева, помимо его заместителей, входили еще несколько человек, которым он, безусловно, доверял и которых выдвигал на руководящие посты в Институте.

Одним из них был Владимир Никитович Шенаев, принадлежавший к числу «молодых ветеранов» ИМЭМО.

Он родился в Москве в 1929 г. По окончании средней школы в 1948 г. поступил на факультет международных валютно-финансовых отношений Московского финансового института, который окончил с отличием в 1953 г. и был принят в аспирантуру на кафедру денежного обращения и кредита. В конце 1956 г. Шенаева зачисляют ассистентом на эту же кафедру.

В марте 1957 г. он переходит на работу в только что созданный ИМЭМО на должность младшего научного сотрудника без ученой степени. Кандидатскую диссертацию Шенаев защитит в апреле 1958 г. В августе 1961 г. он становится старшим научным сотрудником и одновременно — ученым секретарем Института по международным научным связям (обычно такая должность в системе АН СССР занималась «действующим резер-

вистом» КГБ, хотя бывали и исключения, к числу которых относился Шенаев)¹.

В марте 1963 г. Шенаев получил наконец возможность полностью сосредоточиться на научной работе. Сфера его интересов — экономика ФРГ, денежное обращение, кредит и финансы капиталистических стран. Он публикует монографии, статьи, главы в коллективных работах и к началу 70-х годов выдвигается в ряд ведущих советских специалистов по экономике и финансам стран Западной Европы. В 1974 г. Шенаев защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук. Годом ранее он назначается заведующим отделом экономики стран Западной Европы (впоследствии — Центр европейских исследований). В 1980 г. Шенаев, в числе группы ведущих сотрудников ИМЭМО, удостоивается Государственной премии СССР.

Плодотворную научную деятельность и руководство отделом Шенаев совмещал с активной общественной работой. В течение 20 с лишним лет он входил в состав парткома ИМЭМО и 10 лет был его секретарем, состоя одновременно членом Дзержинского и Севастопольского районных комитетов КПСС. Как секретарь парткома ИМЭМО, Шенаев сыграл очень важную роль в спасении Института в период гонений на Иноземцева в 1982 г., о чем еще будет рассказано.

У Шенаева были все основания для того, чтобы стать заместителем директора ИМЭМО, а также претендовать на избрание в АН СССР. По каким-то причинам то и другое он получит только в Институте Европы, куда перейдет в марте 1988 г. после 31 года безупречной службы в ИМЭМО.

Заметную роль в команде Иноземцева одно время играл другой секретарь парткома ИМЭМО — Дмитрий Васильевич Петров, крупный японист, один из ведущих специалистов в области международных отношений в Азиатско-тихоокеанском регионе. Как и Шенаев, он принадлежал к молодому поколению «птенцов Арзуманяна».

Дмитрий Петров родился в 1927 г. в г. Бабушкине Московской области. В школу он пошел в г. Химки, но с началом войны был эвакуирован вместе с семьей в Новосибирск. Вернувшись из эвакуации, Дмитрий экстерном сдает экзамены на аттестат зрелости и в 1944 г. поступает на японское отделение в Московский институт востоковедения. Когда Петров уже заканчивал учебу в институте, туда как раз поступил вчерашний курсант Бакинского военно-морского училища Евгений Примаков.

Институт востоковедения Петров окончил в 1949 г. с «красным» дипломом, позволившим ему остаться там же в аспирантуре. В 1952 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Американская экспансия в Японии в середине XIX века», которую позднее издаст в виде монографии. По окончании аспирантуры он поступил на работу в Главное управление радиовещания Минис-

¹ По всей видимости, назначение В.Н. Шенаева ученым секретарем ИМЭМО по международным научным связям было осуществлено лично А.А. Арзуманяном, нередко пренебрегавшим неписанными правилами «аппаратных игр».

терства культуры СССР в качестве обозревателя отдела вещания на Японию. Он не оставляет научную работу, публикуя статьи в журналах и газетах. Для второго издания Большой Советской Энциклопедии, выходившей в 50-е годы, Петров написал 85 статей по японской тематике.

В 1956—1957 гг. Петров находится в заграникомандировке в КНР, где работает руководителем группы консультантов-переводчиков в Высшей партийной школе при ЦК КПК. По окончании командировки он будет награжден медалью «За китайско-советскую дружбу». По всей видимости, именно в Пекине произошло знакомство Петрова с работавшим там же Иноземцевым, который и пригласит его в ИМЭМО.

По возвращении из Китая Петров короткое время проведет на прежнем месте в Управлении радиовещания, а в апреле 1957 г. придет на должность младшего научного сотрудника с ученой степенью в Институт Арзуманяна, где его сразу же сделают старшим научным сотрудником. Правда, поработать в ИМЭМО Петрову придется чуть более трех месяцев.

В августе того же, 1957 г., решением Инстанции (Президиум ЦК КПСС) он будет назначен собственным корреспондентом газеты «Известия» в Японии, где проработает почти пять лет — до июня 1962 г., когда вернется в ИМЭМО.

Здесь в 1964 г., он защищает докторскую диссертацию, публикует ряд серьезных работ по внешней политике Японии, а в июле 1969 г. назначается заведующим сектором международно-политических проблем Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в отделе международных отношений.

На рубеже 60—70-х годов Петров находится в тесных рабочих контактах с Иноземцевым, который выдвигает его на пост секретаря парткома ИМЭМО, откуда ему открывался прямой путь в заместители директора. Однако этого не произошло. В апреле 1970 г. заместителем Иноземцева по международно-политической проблематике назначается другой выпускник Московского института востоковедения — Е.М. Примаков. Петров остается заведующим сектором, а секретарем парткома вместо него становится С.С. Салычев.

В апреле 1976 г., явно не удовлетворенный своим положением, Петров покидает ИМЭМО и переходит на работу в Институт Дальнего Востока АН СССР.

Иноземцев пополнял свою команду и молодыми выдвиженцами. Заметную роль среди них играл Лев Львович Любимов.

Он родился в 1936 г. в Рязани, где окончил среднюю школу и педагогический институт с дипломом учителя истории, русского языка и литературы. Со студенческих лет Любимов активно участвует в комсомольской жизни, избирается секретарем комитета комсомола Рязанского пединститута, а в 1959 г., в возрасте 23 лет, становится секретарем одного из райкомов ВЛКСМ г. Рязани. В это время Рязанщиной управляет любимец Хрущева, первый секретарь обкома КПСС А.Н. Ларионов, впоследствии застрелившийся, дабы избежать следствия и суда за свои неблагоприятные деяния.

Комсомольская карьера Любимова завершилась в декабре 1961 г., когда он перешел на преподавательскую работу в родной пединститут. В 1962 г. Люби-

мов перебирается в Москву и устраивается на работу в Институт тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова, откуда через год поступает в аспирантуру ИМЭМО, где и остается по ее окончании.

В 1967 г. Лев Львович становится кандидатом экономических наук, а через два года Иноземцев поручает ему руководство отделом информации, где Любимов проводит серьезную реорганизацию. Его научно-организаторские способности проявились и на других участках работы, которые ему поручал Иноземцев. В 1975 г. Любимов буквально на пустом месте создал отдел проблем Мирового океана, превратившийся в национальный центр по разработке идей и вариантов политики в этой области. Этот отдел, как и упоминавшийся ОТЭИ, работал в закрытом режиме и в основном по закрытой проблематике.

В 1986 г. Любимов возглавил отдел североамериканских исследований, которым руководил до 1995 г., когда перешел на работу в Высшую школу экономики.

В 1982 г. Любимов защитил докторскую диссертацию, а два года спустя получил диплом профессора. Он автор более 100 опубликованных работ по проблемам мировой экономики, международного регулирования хозяйственной деятельности, экономики природных ресурсов, экономики и политики США. Кто знает, быть может, еще при Иноземцеве Любимов мог бы стать одним из его заместителей, но он им не стал, уступив дорогу Гурьеву, который начинал у него в отделе информации.

В команде Иноземцева состояли и отдельные ветераны ИМЭМО — такие, в частности, как член-корреспондент АН СССР А.Г. Милейковский и доктор экономических наук Е.А. Громов, заведовавшие в Институте двумя важнейшими отделами.

Абрам Герасимович Милейковский родился в 1911 г. в Минске, в семье десятника по лесному делу. В 1927 г. он окончил среднюю школу в г. Боровичи Новгородской области и в течение года работал делопроизводителем в редакции местной газеты «Красная искра». В 1929 г. Абрам Милейковский едет в Ленинград и поступает на экономо-географическое отделение географического факультета ЛГУ. В 1932 г. он завершает учебу и остается в аспирантуре на кафедре экономической географии. С 1935 по 1940 г. кандидат географических наук Милейковский работает в должности доцента на родном факультете.

В декабре 1940-го его призывают на службу в Военно-Морской Флот. Накануне и во время войны он преподает на Курсах высшего и старшего начальствующего состава ВМФ в Стрельне, в Военно-морском политическом училище в Кронштадте, на Курсах усовершенствования политсостава ВМФ в Москве. С октября 1943 до апреля 1954 г. А.Г. Милейковский — начальник кафедры международных отношений Военно-политических курсов ВМФ (Москва). Затем из ВМФ его переводят в ВВС. С апреля 1954 г. он — заместитель начальника кафедры политэкономики Военно-воздушной академии в Монино.

В декабре 1956 г. доктор экономических наук, полковник А.Г. Милейковский демобилизуется из армии и приходит в ИМЭМО на должность старшего

научного сотрудника Британского сектора, которым руководит Иосиф Михайлович Лемин. Шестнадцатилетняя военная служба А.Г. Милейковского отмечена двумя орденами Красной Звезды и медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией».

Очень скоро Милейковский выдвигается в число ведущих научных сотрудников Института как признанный знаток экономики Англии, Канады и Австралии. Он автор солидной монографии «Распад Британской империи» (1964 г.). Им написаны четыре главы для учебника политэкономии (1965 г.), множество брошюр и статей. Его все более привлекают узловые теоретические вопросы развития капиталистической экономики.

В 1962 г. Милейковский возглавляет сектор общих проблем империализма, которым будет руководить в течение 23 лет. В 1966 г. он будет избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1981-м академиком.

19 января 1986 г. А.Г. Милейковский напишет заявление на имя директора ИМЭМО Е.М. Примакова:

«В связи с мероприятиями, направленными на создание условий, благоприятствующих выдвижению молодых ученых на руководящие должности, а также с учетом моего 75-летнего возраста, прошу освободить меня от заведования сектором общих проблем империализма и критики буржуазных экономических теорий, и остаться в ИМЭМО в качестве главного или ведущего специалиста. Это позволит мне выполнить намеченные плановые работы... сохраняя тесную связь с коллективом сектора, которым я руководил четверть века»¹.

Просьба Милейковского будет уважена, как и его пожелание видеть своим преемником в секторе д.э.н. И.М. Осадчую. А сам академик А.Г. Милейковский в должности консультанта проработает в ИМЭМО до своей смерти, последовавшей 12 января 1995 г.

Из воспоминаний Ирины Михайловны Осадчей об А.Г. Милейковском, его роли в Институте и его отношениях с Иноземцевым:

«В своей работе Н.Н. Иноземцев... встречавший ожесточенное сопротивление со стороны догматически настроенной части партийной верхушки, имел в А.Г. Милейковском верного союзника. Н.Н. Иноземцев мог быть уверен, что для его политической линии Абрам Герасимович найдет именно то экономическое обоснование, которое позволит противостоять напору догматиков. Этих двух выдающихся людей кроме всего связывала большая дружба, в какой-то мере они даже дополняли друг друга. Некоторая суровость и жесткость стиля руководства Н.Н. Иноземцева сглаживалась мягкостью и дружелюбием Н.Г. Милейковского, хотя в вопросах морали Абрам Герасимович был чрезвычайно щепетилен. Известно, например, что он выступил против исключения А.Д. Сахарова из Акаде-

¹ Архив ИМЭМО РАН.

мии наук, несмотря на давление, оказывавшееся партией на академические круги. <...>

Оглядываясь назад, можно утверждать, что А.Г. Милейковский сформировал свою научную школу — школу творческих, трудолюбивых, преданных профессии ученых. Эта школа возникла не путем навязывания взглядов «метра», а в результате создания особой атмосферы, особого воздуха, которым мы тогда дышали. Поистине это был воздух: пока им дышишь, его не замечаешь, когда он исчезает, осознаешь, как его не хватает»¹.

Евгений Аркадьевич Громов — другой представитель ветеранской части команды Иноземцева — был на шесть лет старше Милейковского. Он родился в 1905 г. в рабочей семье. В 1919 г. вступил в комсомол и по его направлению два года (1922—1924) учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В 1925 г. Громов вступает в партию, а в 1929-м становится студентом Института Красной Профессуры Института мирового хозяйства и мировой политики, руководимом Е.С. Варгой.

Из автобиографии Е.А. Громова:

«Будучи на IV курсе Института Красной Профессуры ИМХ и МП получил научную командировку от ИКП в США для ознакомления с американской тяжелой промышленностью, особенно со станкостроением (X.32 — VI.33).

По возвращении из США я окончил ИМХ и МП в сентябре 1933 г. В период подготовки диссертации... был мобилизован ЦК ВКП(б) на работу в Транспортные политотделы НКПС. <...>»².

Семимесячная командировка в США сыграла роковую роль в дальнейшей судьбе Громова. Об этом факте из его биографии в НКВД вспомнили в 1937 г., когда начались усиленные поиски «троцкистов», «иностранных шпионов» и прочих «врагов народа».

В 1938 г. Громов оказался на воркутинских углеразработках в Коми АССР, где провел 18 лет. В последние годы он работал там в должности помощника главного инженера шахты № 5 комбината Воркутауголь.

После XX съезда, в мае 1956 г., Евгений Аркадьевич возвращается в Москву и в июле подает заявление о приеме на работу в ИМЭМО. Арзуманян берет его на должность младшего научного сотрудника без степени.

Почти два украденных из его жизни десятилетия Громов пытается наверстать предельно напряженной работой. Уже в 1958 г. он защищает кандидатскую диссертацию, а в 1967 г. становится доктором экономических наук.

¹ *Осадчая И.М.* Абрам Герасимович Милейковский // Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Очерки. Выпуск 1. Волгоград, 2003. С. 22, 24.

² Личное дело Е.А. Громова // Архив ИМЭМО РАН.

В апреле 1963-го Арзуманян назначает Громова заведующим сектором экономического соревнования США и СССР, а Иноземцев в 1967 г. ставит его во главе отдела перспектив экономического развития капиталистических стран и соревнования двух систем.

К тому времени Е.А. Громов — уже признанный специалист в области анализа факторов повышения эффективности народного хозяйства, методологических проблем планирования советской экономики и использования в ней опыта промышленно-экономического развития США. Ему принадлежит ряд фундаментальных трудов, в частности монография «Факторы повышения эффективности общественного производства» (1964). Под его руководством и при его участии были подготовлены коллективные работы «Воспроизводство конечного продукта США» (1966); «Сфера услуг в экономике США» и др.

Подготовленные лично Громовым или под его руководством аналитические записки в директивные органы получали там самую высокую оценку¹. Уже по этой причине Иноземцев имел все основания считать Е.А. Громова одним из наиболее ценных своих сотрудников.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю Громова, несомненно, укоротили его жизнь, не позволив ему в полной мере реализовать свой потенциал. Он умер в 1977 г.

Среди ветеранов ИМЭМО Иноземцев всегда выделял доктора экономических наук Якова Александровича Певзнера, работавшего еще в ИМХП, и свободно ориентировавшегося во всех основных вопросах политэкономии современного капитализма. Нередко он давал ему поручения по тем или иным теоретическим вопросам, выходившим за рамки собственно японоведческой специализации Певзнера², возглавлявшего одно время отдел экономики ведущих стран Западной Европы и Японии. В начале 70-х годов этот отдел был

¹ Вот лишь некоторые названия из длинного перечня записок Е.А. Громова: «Возможные темпы прироста общественного продукта США в 1965—70 гг.» (1964); «Перспективы повышения производительности труда в промышленности США» (1964); «Сравнение жизненного уровня населения СССР и США» (1964); «Капиталоемкость промышленной продукции в капиталистических странах» 1965); «Предварительные итоги экономического соревнования СССР и США в 1959—65 гг.» (1965); «Причины высоких темпов экономического роста крупнейших капиталистических стран» (1965); «Некоторые особенности повышения эффективности хозяйства США и других капиталистических стран» (1968) // Архив ИМЭМО РАН.

² Так, например, в марте 1971 г. Иноземцев попросил Певзнера высказать свое мнение по поводу т.н. «закона преимущественного роста производства средств производства». Со времен первых сталинских пятилеток этот «закон» определял всю экономическую стратегию ВКП(б)/КПСС и относился к числу абсолютных истин политэкономии социализма. Трезвомыслящие (и наиболее смелые) советские экономисты, в частности Я.А. Певзнер, подвергали сомнению этот постулат. Компетентное и авторитетное мнение Певзнера было ценно для Иноземцева, пытавшегося пробить стену догматических представлений высшего руководства по этому важному вопросу. Из записки Я.А. Певзнера «По поводу так называемого «Закона преимущественного роста производства средств производства» (15 марта 1971 г.): «Указанный выше закон не состоятелен в теоретическом

разделен на два самостоятельных подразделения, и Я.А. Певзнер возглавил отдел Японии.

Наряду с Певзнером, по вопросам теории Иноземцева консультировал также доктор экономических наук Сергей Михайлович Никитин, принадлежавший к молодому поколению ученых ИМЭМО. Среди прочих материалов в сентябре 1969 г. для Иноземцева им была подготовлена записка «Экстенсивный и интенсивный типы развития», в которой обоснованно доказывалось, что беды советской экономики в значительной степени вытекают из упора на экстенсивное ее развитие. Аргументы, сформулированные Никитиным по этому принципиально важному вопросу, были использованы Иноземцевым в его «просветительской» деятельности в «верхах».

Неудачной оказалась попытка Иноземцева включить в свою команду двух видных ученых, поставленных им на должности заведующих отделами. Речь идет о докторе исторических наук А.А. Галкине и В.М. Кулише.

Александр Абрамович Галкин родился в 1922 г. в Витебске в семье партийно-хозяйственного работника. По окончании средней школы в Минске в 1940 г. он был призван в танковые части Красной Армии и проходил службу в Московском военном округе. В начальный период войны он обучался на курсах военных переводчиков, а затем в Военном институте иностранных языков, где в совершенстве овладел немецким. С ноября 1942 г. и до конца войны Галкин — инструктор политотдела 1-й гвардейской армии, с которой доходит до Берлина. С августа 1945 до октября 1949 г. Галкин служит в Бюро информации Советской военной администрации в Германии. Одновременно он учится заочно на историческом факультете МГУ, специализируясь по истории Германии.

После демобилизации в конце 1949 г., совпавшей с окончанием учебы в МГУ, Галкин поступает там же в аспирантуру на кафедру новой и новейшей истории. В 1953 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию, посвященную проблеме рейнского сепаратизма. В это время начинается активная

отношении. <...> В этом — суть дела. Критику «закона преимущественного роста средств производства» нельзя понимать так, будто бы вместе с этой критикой выдвигается тезис о том, что существует обратный закон — закон преимущественного роста средств потребления. Ни в коем случае! Критика заключается только в том, что — вразрез с выводами сторонников «закона преимущественного роста первого подразделения» — действительный прогресс производства на одного занятого и в целом — в зависимости от различных обстоятельств и прежде всего от научно-технического прогресса возможен и при растущем, и при постепенной, и при падающей фондо-, материало- и энергоемкости, и при более или менее быстром росте группы А или группы Б. Или иными словами — нет никакого закона преимущественного роста (подчеркнуто мною. — П.Ч.); в зависимости от научных достижений, от новой техники и организации производства и т.д. данный темп роста может быть достигнут при разном соотношении темпов роста первого и второго подразделений. Из этого следует, что быстрый рост производства средств производства, остающийся первоочередной задачей, в зависимости от конкретных условий, и прежде всего от технического прогресса — может быть совмещен с более быстрыми темпами роста производства средств потребления». — «Справки, информации, подготовленные по спецзапросам в ИМЭМО» // Архив ИМЭМО РАН.

журналистско-редакторская деятельность Галкина в Радиокomiteте, в редакции «Литературной газеты», в журнале «Новое время» и в Издательстве иностранной литературы. В июне 1954 г. его приглашают в созданный Л.Ф. Ильичевым журнал «Международная жизнь», где он становится редактором отдела.

В мае 1963 г. Галкин приходит в ИМЭМО на должность старшего научного сотрудника. Через год его назначают заведующим сектором критики антикоммунизма и социал-реформизма.

Вернувшийся в ИМЭМО Иноземцев в октябре 1966 г. выдвигает Галкина на должность заведующего отделом экономического положения трудящихся и социально-политических проблем развитых капиталистических стран. К этому времени Галкин уже доктор исторических наук, признанный авторитет в области новейшей истории Германии и социальных проблем западного общества. Он автор двух солидных монографий — «СССР, западные державы и германский вопрос» и «Германский фашизм». Последняя из этих книг принесла автору широкую известность в СССР и за рубежом, так как он впервые осмелился высказать собственное суждение о природе и характере фашизма как исторического феномена. Оценки Галкина в характеристике фашизма выходили за рамки, установленные официальной советской, и в целом марксистской, исторической науки. Читатели его книги начали усматривать некую аналогию между нацистским и сталинским режимами. Книга «Германский фашизм» все чаще стала попадаться сотрудникам КГБ при обысках и арестах диссидентов. По всем этим причинам А.А. Галкин, вслед за А.М. Некричем и М.Я. Гефтером, навлек на себя нерасположение партийно-идеологического начальства.

Тем не менее он продолжал работать в ИМЭМО, руководить отделом, состоять в парткоме Института и даже быть лектором ЦК И МГК КПСС. И вдруг в 1969 г. А.А. Галкин покидает ИМЭМО и переходит в ИКСИ, к академику А.М. Румянцеву, где ему, по всей видимости, предложили более интересную работу. Иноземцеву ничего не оставалось, как одним приказом от 31 марта 1969 г. оформить перевод в ИКСИ и А.А. Галкина, и своего заместителя Н.А. Сидорова, премировав на прощание первого 250 рублями, а второго — месячным окладом¹.

Пришлось расстаться Иноземцеву и с заведующим отделом международных отношений В.М. Кулишом.

Василий Михайлович Кулиш был кадровым военным. Он родился в 1919 г. в Черниговской области в крестьянской семье. В 18 лет связал свою жизнь с армией, став курсантом Ярославского военно-хозяйственного училища Наркомата обороны СССР. По выходе из училища в 1939 г. Кулиш служит командиром взвода в Тульском оружейно-техническом училище. В первые месяцы войны он — помощник начальника штаба 712-го стрелкового полка 132-й стрелковой дивизии на Брянском фронте, где

¹ Архив ИМЭМО РАН.

получил тяжелое ранение, от которого лечился в эвакогоспитале почти полгода.

По излечении его направляют служить в Забайкальский военный округ, откуда он поступает на учебу в Военную академию им. М.В. Фрунзе, на Командный факультет. Позднее он окончит еще и Военно-исторический факультет этой академии и станет профессиональным военным историком. В 50-е годы Кулиш служит в редакции журнала «Военная мысль» и в научном отделе Военно-политической академии им. В.И. Ленина. С 1958 г. он — сотрудник редакции «Военно-исторического журнала», затем начальник 3-го отдела редакции.

В 1955 г. Кулиш защищает кандидатскую диссертацию на тему «Стратегия США и Англии в кампаниях 1944 и 1945 гг.», а в 1964 г. — докторскую по теме «История Второго фронта в Европе». Эта диссертация была доработана им в капитальную монографию, которая вышла в свет двумя изданиями — в 1965 и 1971 гг. Она вызвала к себе большой интерес как в СССР, так и за рубежом.

В.М. Кулиш, как военный историк-эксперт, привлекался к работе по реабилитации репрессированных в 1937-1938 гг. представителей высшего командного состава Красной Армии. В 1966 г. полковник Кулиш решительно выступил в защиту А.М. Некрича, чья книга «22 июня 1941 года» с критикой Сталина за неподготовленность к войне подверглась разгрому со стороны неосталинистов, направлявшихся М.С. Словым.

В результате А.М. Некрич вынужден будет через некоторое время навсегда покинуть СССР, а полковник В.М. Кулиш в январе 1967 г. будет уволен из армии «по выслуге лет».

«Дело Некрича» получило тогда большой общественный резонанс и было воспринято как поворот к неосталинизму не только в исторической науке, но и в идеологии. В этом «деле», помимо самого Некрича и Кулиша, оказались замешаны такие видные историки-германисты, как Д.Е. Меламид (Мельников), работавший к тому времени в ИМЭМО, полковники В.И. Дашичев и Д.М. Проэктор, вынужденные вслед за Кулишом покинуть армию.

К чести Иноземцева можно отнести приглашение трех опальных полковников на работу в ИМЭМО.

Первым в январе 1967 г. в Институт пришел В.М. Кулиш, создавший два года спустя в рамках отдела международных отношений сектор военно-политических проблем. Затем в ИМЭМО пришли его коллеги и давние друзья — Даниил Михайлович Проэктор и Вячеслав Иванович Дашичев. Первый из них в 1974 г. возглавит исследовательскую группу по проблемам европейской безопасности, а второй станет сотрудником сектора международно-политических проблем Европы, возглавлявшегося Д.Е. Меламидом.

Поначалу основательный и по военному несколько прямолинейный Кулиш будет пользоваться расположением и доверием Иноземцева. Когда в 1970 г. Д.Г. Томашевский примет окончательное решение оставить должность заведующего отделом международных отношений, на которую в 1962 г. его угово-

рил перейти из МГИМО Иноземцев¹, то последний предложит занять ее Василию Михайловичу Кулишу.

Кулиш развернет активную деятельность: он много работает, публикуется, выезжает в зарубежные командировки, привлекается к выполнению заданий директивных органов.

Одновременно с началом разрядки международной напряженности после нормализации отношений СССР и ФРГ в 1970 г. и достижения в 1972 г. первых советско-американских договоренностей по ограничению стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1) обозначился конфликт между Кулишом и заместителем директора Института Примаковым по вопросу о роли военной силы в международных отношениях. Более конкретно речь шла о роли силового фактора во внешней политике США. Кулиш считал, что Примаков недооценивает этот фактор, сохраняющийся и в новых условиях, и чрезмерно поддается эйфории разрядки, а Евгений Максимович, по-видимому, видел в Кулише противника этой самой разрядки, приверженца старого, силового подхода к решению спорных проблем в советско-американских отношениях.

Силы противоборствующих сторон в этом обострявшемся конфликте явно были неравными. Это в конечном счете понял и сам Кулиш, подавший в отставку. В заявлении на имя директора Института от 27 марта 1974 г. он писал:

«В последнее время выявились полностью разногласия между Зам. директора Института г.э.н. Примаковым Е.М. и мною по вопросу о роли, функциях и формах реализации военной силы в современных международных отношениях и внешней политике капиталистических государств. Суть этих разногласий Вам известна. Позицию тов. Примакова я считаю ошибочной и не смогу принять ее в качестве основы для дальнейших исследований Сектором военно-политических проблем и лично мною. В связи с вышеизложенным продолжать работу в ИМЭМО не считаю для себя возможным. Прошу уволить меня с работы в ИМЭМО»².

Иноземцев наложил резолюцию: «Тов. Гурьеву И.Е. Прошу рассмотреть на парткоме»³.

В архиве ИМЭМО сохранилась адресованная отсутствовавшему при рассмотрении «дела Кулиша» Иноземцеву выписка из протокола заседания парткома Института, состоявшегося 29 марта. В ней говорилось:

¹ Впоследствии Д.Г. Томашевский признался автору данной работы, что решил «отойти от дел» в результате болезненно воспринятой им советской военной интервенции Чехословакии в августе 1968 г., с которой он связал крах всех надежд на демократизацию режима после XX съезда. Томашевский, по его словам, не скрыл от Иноземцева подлинных причин своего ухода от заведования отделом. Иноземцев, разумеется, не мог одобрить поступок своего старого друга, но все же согласился отпустить его в старшие научные сотрудники.

² Архив ИМЭМО РАН.

³ Там же.

«Рассмотрев по существу заявление заведующего Отделом международных отношений т. Кулиша В.М. от 27 марта 1974 г., содержащее просьбу уволить его с работы, мотивированную его разногласиями с заместителем директора Института т. Примаковым Е.М., Партийный комитет считает необходимым:

1. Признать несостоятельной мотивировку, приведенную в заявлении т. Кулиша В.М.;
2. Рекомендовать Дирекции Института согласиться с просьбой т. Кулиша В.М. об увольнении и не задерживать его в штате ИМЭМО более установленного для подобных случаев срока;
3. В целях укрепления руководства Отдела рекомендовать на должность заведующего Отделом международных отношений д.и.н. Быкова О.Н.;
4. Обратить внимание Дирекции Института на необходимость самого серьезного рассмотрения состояния научно-исследовательской работы в секторе военно-политических проблем, на взаимосвязь исследований, проводимых в этом секторе, с разработкой теоретических проблем международных отношений, предпринимаемой другими подразделениями Отдела и Института в целом;
5. Обратить внимание партбюро Отдела международных отношений (секретарь т. Размеров В.В.) на необходимость улучшения воспитательной работы в коллективе, усиления высокой требовательности к деловым и политическим качествам всех сотрудников Отдела, включая и его руководство»¹.

17 апреля 1974 г. был подписан приказ об увольнении В.М. Кулиша «по собственному желанию». Месяц спустя заведующим отделом международных отношений был назначен О.Н. Быков. А на заведование сектором военно-политических проблем будет приглашен кандидат военных наук, полковник запаса П.Д. Тарабаев, многие годы служивший в Главном разведывательном управлении Советской Армии.

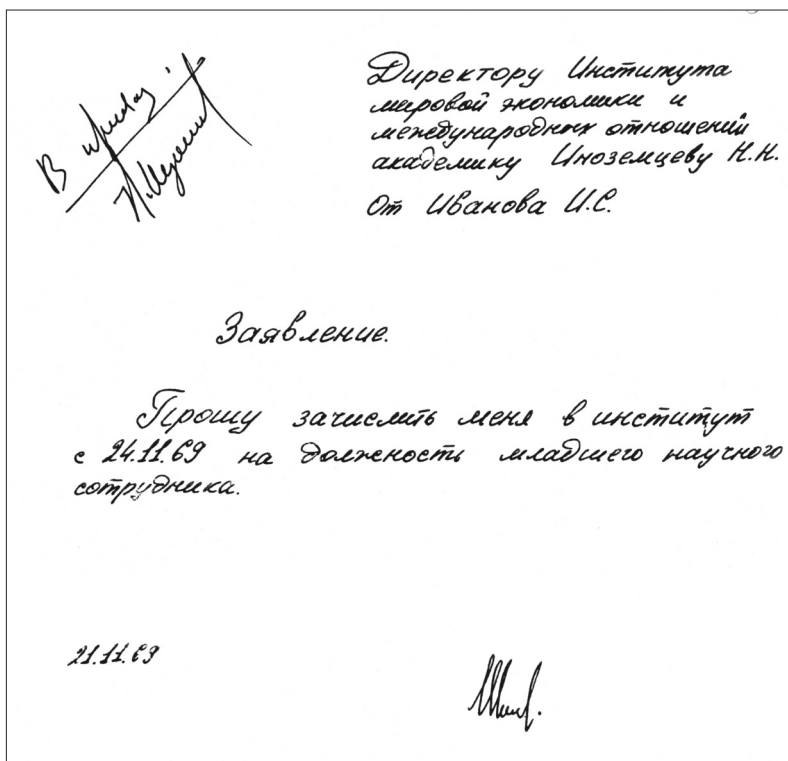
Как видим, состав команды Иноземцева постоянно обновлялся новыми людьми.

В рабочей команде Иноземцева начиналась карьера будущего министра иностранных дел России Игоря Сергеевича Иванова.

Он пришел в ИМЭМО в ноябре 1969 г. К тому времени Иванов — выпускник Московского суворовского военного училища — окончил МГПИИЯ им. Мориса Тореза с дипломом референта-переводчика с испанского и английского языков. После «инъяза» он совсем недолго поработал стажером в Институте международного рабочего движения, откуда был приглашен в ИМЭМО на должность младшего научного сотрудника, личного референта Иноземцева.

Это был стройный, по-военному подтянутый, элегантный молодой человек с располагающей улыбкой и хорошими манерами, исполнительный и ак-

¹ Архив ИМЭМО РАН.

Заявление будущего министра иностранных дел России Игоря Иванова о приеме на работу в ИМЭМО. 21 ноября 1969 г. (Архив ИМЭМО РАН)

куратный. В 1971 г. он женился на сотруднице Института Екатерине Семеновне Козыревой, дочери видного дипломата, тогдашнего заместителя министра иностранных дел СССР. Работа с Иноземцевым приобщила будущего министра к международно-политической проблематике. Иванов уже подумывал о написании кандидатской диссертации, когда судьбе было угодно направить его по другому пути.

Весной 1973 г. ему было предложено перейти на работу в МИД СССР, откуда в ИМЭМО затребовали характеристику на Иванова.

Из характеристики И.С. Иванова:

«<...> В ИМЭМО АН СССР тов. Иванов И.С. работает с 1969 года в должности младшего научного сотрудника. За время работы в Институте зарекомендовал себя добросовестным, исполнительным работником, ответственно относящимся к порученным заданиям. Тов. Иванов И.С. активно участвует в общественной жизни Института. С 1970 года по настоящее время является заместителем секретаря Комитета ВЛКСМ Института. В 1970 году был членом Интернациональной комиссии при Дзержинском РК ВЛКСМ. Тов. Иванов И.С. выезжал за границу в качестве переводчика: в 1967–68 гг. — Республика Куба; 1970 г. — Мексика,

Испания; 1971 г. — Испания, Бразилия; 1972 г. — Испания. Замечаний по командировкам не имел. Тов. Иванов И.С. идеологически выдержан, морально устойчив, женат. <...> Дирекция, партком и местком ИМЭМО АН СССР рекомендуют тов. Иванова И.С. для использования на заграничной работе по линии МИД СССР. Характеристика утверждена на заседании парткома Института, протокол № 17 от 6.IV.1973 г. <...>»¹.

20 июля 1973 г. по Министерству иностранных дел СССР вышел приказ, подписанный заместителем министра Н. Пеговым:

«ИВАНОВА Игоря Сергеевича, младшего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, с 23 июля 1973 года назначить вторым секретарем I Европейского отдела и числить его по резерву»².

С С С Р		
Министерство иностранных дел		
Отдел <u>Управление кадров</u>	Н/индекс и дата	
МОСКВА 200, Смоленская-Сенная площадь, дом 32/34. Телефон справочной МИД 244-16-06	В/индекс и дата	
		20 " июля 1973 года
		№ <u>2619/ук</u>
ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР <u>Академику Н.Н.ИНОЗЕМЦЕВУ</u>		
Министерство иностранных дел СССР просит Вас согласно договоренности откомандировать с 23 июля с.г. в распоряжение МИД СССР младшего научного сотрудника Института тов. Иванова Игоря Сергеевича.		
Член Коллегии МИД СССР		
В.ЛАВРОВ		

Письмо МИД СССР от 20.07.1973 г. с запросом в ИМЭМО о направлении
И.С. Иванова на дипломатическую работу

¹ Личное дело И.С. Иванова // Архив ИМЭМО РАН.

² Там же.

Так начиналась дипломатическая карьера будущего министра иностранных дел России. Впоследствии, уже став министром, Иванов не раз с благодарностью вспоминал годы, проведенные в ИМЭМО рядом с Иноземцевым.

На место перешедшего в МИД И.С. Иванова Иноземцев пригласил Николай Алексеевич Косолапов, выпускника МГИМО, уже успевшего поработать в «Интуристе». В ИМЭМО Косолапов успешно работал в секторе теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений. Став помощником Иноземцева, Косолапов продолжал заниматься научными исследованиями, защитил кандидатскую диссертацию. Впоследствии Иноземцев выдвигает его на должность заместителя главного редактора журнала «МЭ и МО», по-видимому, готовя его на смену Я.С. Хавинсону.

В начале 80-х годов, уже после смерти Иноземцева, Н.А. Косолапов перейдет на работу в аппарат ЦК КПСС, где вскоре станет помощником члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева (бывшего директора ИМЭМО), а в начале 90-х вернется в Институт и возглавит отдел международных отношений.

В начале 70-х годов в команду Иноземцева вошла и сразу же заняла там особое место Маргарита Матвеевна Максимова, появившаяся в Институте, как уже говорилось, еще в 1961 г.

Она родилась в Томске. В десять лет осталась без отца и воспитывалась матерью, медицинской сестрой. В 1938 г. Маргарита Максимова поступила в Индустриальный институт в г. Горьком, в предместье которого они с матерью жили с 1928 г. В июне 1943 г. с дипломом инженера-механика она была направлена на артиллерийский завод, где почти до самого окончания войны работала инженером-конструктором. Ее работа на оборонном заводе была отмечена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В марте 1945 г. Максимова отзывают с завода и назначают заведующим отделом студенческой молодежи Горьковского обкома ВЛКСМ. В этой должности она проработала год, после чего была переведена в Москву и назначена инструктором отдела студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ.

Комсомольская карьера Максимова завершилась в феврале 1948 г., когда она вместе с мужем (Ю.С. Медведковым) выехала в Берлин, где вскоре была принята на работу в представительство Советской Контрольной Комиссии в Германии на должность старшего инженера, затем эксперта по экономическим вопросам. В этот период определяется истинное призвание Максимова — экономическая наука. По возвращении из Германии она поступает в аспирантуру на кафедру политэкономии Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской.

Из воспоминаний М.М. Максимовой:

«Это был скромный московский вуз, но с весьма солидной кафедрой политэкономии. Возглавлял ее известный в те годы профессор Калмаков. Перед вступительными экзаменами пришлось проштудировать труды

классиков. Калмакову я призналась, что смогу сдать только политэкономию капитализма и империализма, на что он мне сказал: «А какую еще политэкономию вы имеете в виду?». Я ответила: «Политэкономия социализма». «Голубушка, ее не было и нет, не волнуйтесь», — успокоил меня Калмаков. Вот так я поступала в аспирантуру»¹.

В 1955 г. Максимова защищает диссертацию на тему «Пути обеспечения прибылей монополиями Западной Германии». Затем около года преподает политэкономия в Вечернем Университете марксизма-ленинизма при войсковой части в г. Хемнитце (тогда — Карлмаркштадт), а в 1956 г. отправляется в ФРГ, куда ее муж назначен торгпредом СССР. Четырехлетнее пребывание в Германии существенно обогатило представления Максимовой о западногерманской экономике, позволив ей освоить новейшую научную литературу и изучить практическую деятельность крупных монополистических объединений.

По возвращении в Москву Максимовой не без труда удалось в феврале 1961 г. устроиться в ИМЭМО, где ее сразу же привлекли к изучению процессов европейской экономической интеграции. Она приняла самое активное участие в составлении известных «Тезисов» ИМЭМО 1962 г.

В течение первых десяти лет работы в ИМЭМО Максимова, считая себя ученицей Е.Л. Хмельницкой, написала ряд серьезных научных трудов, выросла в крупнейшего специалиста в области изучения европейской экономической интеграции. К тому времени она — ответственный редактор и автор коллективной монографии «Экономические группировки в Западной Европе», серии из пяти книг — «Международные монополии и капиталистическая интеграция», других работ. В 1971 г. выходит в свет обобщающий труд Максимовой — «Основные проблемы империалистической интеграции: экономический аспект», в котором подведены итоги ее десятилетних изысканий в этой области². Тогда же, в 1971 году, она становится доктором экономических наук и вскоре получает звание профессора.

С приходом в Институт Иноземцева, создавшего отдел международных организаций, Максимова переходит туда из отдела Западной Европы на должность заведующего сектором международных экономических организаций. Под ее руководством и при авторском участии была подготовлена монография «ООН и международное экономическое сотрудничество».

В 1971 г. она выходит замуж за разведенного к тому времени Иноземцева и, таким образом, становится «первой леди» ИМЭМО. Брак с Иноземцевым, безусловно, давал Маргарите Матвеевне определенные преимущества в Институте, но он же ставил пределы ее академической карьере, учитывая статус ее мужа. Никто в ИМЭМО никогда не оспаривал научных дарований Максимовой, всегда добивавшейся высоких результатов в областях исследований,

¹ Запись беседы с М.М. Максимовой 9 января 2002 г.

² Книга опубликована на семи языках и выдержала несколько изданий в СССР и за рубежом.

которыми она занималась, — будь то интеграционные процессы или международное экономическое сотрудничество.

В начале 1972 г. М.М. Максимова создает в ИМЭМО новое направление исследований — внешнеэкономические проблемы капитализма, хотя, по ее признанию, серьезные и острые проблемы стояли в то время прежде всего перед советской экономикой и внешней торговлей. Поисками путей и средств разрешения этих проблем, с целью оказания помощи советской внешнеэкономической практике, и занимался, наряду с прочим, научный коллектив, созданный М.М. Максимовой.

Максимова руководила отделом внешнеэкономических проблем капитализма полтора десятилетия, после чего перешла на должность главного научного сотрудника, а созданное ею научное подразделение стало называться отделом глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики. Научные заслуги Маргариты Матвеевны отмечены Государственной премией СССР и Международной академической премией, а также орденами «Знак Почета» и «Дружба народов».

Свое особое место в Институте занимал пришедший туда в 1967 г. член-корреспондент АН СССР Владимир Алексеевич Виноградов. Его нельзя было однозначно причислить к членам «команды Иноземцева» уже хотя бы потому, что Виноградов был самостоятельной фигурой¹.

Участник Великой Отечественной войны, получивший инвалидность по тяжелому ранению в июле 1941 г., Виноградов в 1948 г. окончил МГИМО, где и познакомился с Иноземцевым. Его мечта стать дипломатом не осуществилась из-за «неподходящей» анкеты его жены, чьи родители были репрессированы в годы Большого террора (отец был расстрелян, а мать осуждена на пять лет). В МГБ таких вещей не забывали. Виноградову удалось устроиться на работу в аппарат Президиума Академии наук, где со временем он будет занимать высокие посты. Одновременно Виноградов активно занимался научной работой, получив в 1965 г. ученую степень доктора экономических наук и опубликовав ряд серьезных научных трудов. В 1966 г. его избирают членом-корреспондентом АН СССР по Отделению экономики. Интересно, что кандидатура В.А. Виноградова, в то время уже заместителя главного ученого секретаря Президиума АН СССР, была выдвинута Н.Н. Иноземцевым и поддержана академиками И.И. Минцем и С.Г. Струмилиным, а также членом-корреспондентом К.Н. Плотниковым.

Оставаясь на руководящей работе в Президиуме Академии наук, Виноградов в начале 1967 г. договорился с Иноземцевым о создании в ИМЭМО сектора по изучению социально-экономических проблем рабочего движения, которым взялся руководить в порядке совместительства². Этим сектором он руководил до 1975 г., когда целиком сосредоточился на работе в Институте научной инфор-

¹ См.: Владимир Алексеевич Виноградов/ Биобиблиография ученых СССР. М., 1982. Научно-биографический очерк о В.А. Виноградове в этом издании написан академиком Н.Н. Иноземцевым.

² См. об этом: Виноградов В.А. Указ соч. С. 229 — 233.

мации по общественным наукам (ИНИОН), директором которого был назначен еще в 1972 г. За время его работы в ИМЭМО в секторе Виноградова, состоявшем из восьми сотрудников, были подготовлены две солидные коллективные монографии, одна из которых была удостоена серебряной медали ВДНХ, и шесть индивидуальных монографий. Сотрудники сектора в качестве авторов и соавторов глав и разделов приняли участие в девяти коллективных трудах Института, участвовали в целом ряде международных научных конференций и конгрессов. Иноземцев, как вспоминает Виноградов, *«поблагодарил меня за большой вклад в научную работу Института и выразил сожаление, что многочисленные обязанности не позволяют мне продолжать работу в ИМЭМО»*¹.

Впоследствии В.А. Виноградов будет избран действительным членом АН СССР по Отделению исторических наук, а в должности директора ИНИОН он проработает до конца 1997 г.

Таков был круг ближайших сотрудников Н.Н. Иноземцева. Отличительной чертой этой команды единомышленников, при всех особенностях и различиях составлявших ее людей, была нацеленность на преодоление догматических представлений об окружающем мире и о насущных потребностях собственной страны. Это сближало Иноземцева с Арзуманяном. Но в отличие от Арзуманяна, как правило избегавшего подавать в Инстанцию рекомендации, выходящие за рамки собственно экономической проблематики, Иноземцев и его команда все более смело пытались влиять на принятие советским руководством важных внешнеполитических решений.

¹ Виноградов В.А. Указ соч. С. 348.